М. М. Кириллов

Армянская трагедия. Дневник врача (декабрь 1988 г. – январь...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В «Дневнике врача» представлены впечатления участника интернациональной помощи армянскому народу в дни его трагедии, вызванной крупнейшим землетрясением 7 декабря 1988 г. В нем приведены описания хирургической и терапевтической патологии у пострадавших. Записи имеют профессиональное, публицистическое и художественное значение, оценивая и восстанавливая в нашей памяти картину трагедии народа с точки зрения врача, гуманиста, интернационалиста. «Дневник врача» может быть интересен врачам, специалистам медицины катастроф, историкам и широкому кругу читателей.

- Михаил Михайлович Кириллов
- Предисловие
- Дневник врача (декабрь 1988 г. – январь 1989 г.)
-
-
-
- Послесловие

Михаил Михайлович Кириллов Армянская трагедия. Дневник врача (декабрь 1988 г. – январь 1989 г.)

Рецензенты: докт. мед. наук проф. Л. Б. Худзик, писатель – член Союза писателей Российской Федерации О. Н. Гладышева.

Утверждено к изданию Ученым советом СГМУ.

Сведения об авторе. Кириллов Михаил Михайлович – доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой внутренних болезней СГМУ, известный военно-полевой терапевт, пульмонолог, специалист медицины катастроф. В декабре 1988 г. – январе 1989 г. принимал участие в оказании медицинской помощи пострадавшим при землетрясении в Армении в качестве профессора-консультанта Ереванского военного госпиталя.

Предисловие

В декабре 1988 г. Армения пережила трагедию массовой гибели людей и колоссальных разрушений вследствие землетрясения, одного из крупнейших в истории человечества. Вся страна в то время пришла на помощь армянскому народу. Значительные усилия потребовались и от военно-медицинской службы. Автор «Дневника» был одним из специалистов, которые вошли тогда в группу усиления МО СССР и работали в составе военных и гражданских лечебных учреждений как в зоне землетрясения в Ереване, так и в Центре страны. Личные впечатления о событиях того времени, о горе и трудностях людей, о неблагоприятной межнациональной ситуации в Закавказье, которой сопровождалась трагедия декабря 1988 г., легли в основу предлагаемых читателю дневниковых записей, сделанных рукой врача.

Дневник врача (декабрь 1988 г. – январь 1989 г.)

23.12.1988 г. Получено указание из Москвы выехать в Ереван для работы с пострадавшими при землетрясении. Вылететь немедленно не удалось: все борта заняты. Снял бронь на 27-е.

27.12. Раннее утро. Саратовский аэропорт. Полно армян. Можно подумать, что Армения начинается уже в Саратове… Раньше никогда не обращал внимания: грузин, азербайджанец, армянин… А ведь, действительно, национальные особенности лиц, поведения, речи так отчетливы, что не видеть этого – «интернациональная» слепота.

Диаспора сжалась как пружина. Это нужно пропустить через себя, только тогда поймешь. А у русских это чувство (явление национального сжатия) возможно? Было ли это? Разве что Москва в 41-м.

Стая черных птиц с гортанными криками низко пронеслась над аэровокзалом. Может быть, армянская птичья колония снялась? В эти дни армянская тема неизбежна. Она струится.

Что я раньше знал о землетрясениях и массовых трагедиях? 1948 г. Учитель географии задумчиво, как бы размышляя, говорит нам – ученикам 9 класса, – что вчера, по его мнению, где-то произошло сильное землетрясение: в комнате у него ни с того ни с сего, скрипя, медленно открылась дверка массивного шкафа, которую и руками-то открыть тяжело… Позже сообщили: разрушительное землетрясение в Ашхабаде. Но прошло это событие глухо, и знаем о нем мы сейчас больше, чем тогда.

Малые трагедии… Здесь, в Саратове, взорвался газ и рухнул дом, погребя под обломками 11 чел. Зимой обвалился потолок аварийного дома и балками придавил спавшую семью – ребенка и его молодых родителей. Выкарабкаться им было невозможно. Через раскрытую кровлю рванул ледяной холод, а из прорванной трубы отопления на распятые тела лился кипяток. Когда мужчину привезли в ожоговый центр, он еще не знал, что жена и дочь погибли па месте. Бывало, привозили группами пострадавших в автомобильных авариях. Но все это не шло ни в какое сравнение со случившимся в Армении.

Ереванский аэропорт – Звартнотц, тот самый. Весь – в снегу. У ступенек трапа меня неожиданно встречают. Капитан Пучиньян, выпускник факультета 1981 г. Он ожидал передачи из Саратова, но оказии не получилось, зато мне повезло – я в Ереване впервые.

Аэропорт забит самолетами, нашими и иностранных

компаний. Запомнился иракский ИЛ-76 зеленого цвета. Стены в здании аэровокзала заклеены объявлениями о порядке приема беженцев, фотографиями пропавших без вести. Народу – масса. Беспрестанное движение. Небритые мужчины, нервные женщины на узлах и чемоданах, орущие дети. Ноев ковчег. Призванные из запаса рязанские мужики в мятых нескладных шинелях и кирзовых сапогах.

Едем на автобусе, потом на троллейбусе. Город в глубоком снегу. Рыхло, влажно, снежно, красиво. На тротуарах, у остановок – мужчины в длинных черных пальто типа демисезонных с небольшим воротничком. Белое кашне. Черные шляпы. Стиль ретро. Что-то от парижских бульваров 20-х гг. Неожиданно замечаешь, что все здесь спокойно, ровно… на 20-й день после смерти. Молодежь форсит и веселится, школьники лупят друг друга снежками, подростки гогочут, старички степенно прогуливаются… В магазине сосиски, сардельки, масло. Однако картина неполна. Театральная площадь. Серая громада театра. На всех входах и выходах – БМП, солдаты в касках по внешнему периметру, в театре – казарма. Все это режет глаз.

Прибыли в госпиталь – большое каменное здание из розового туфа. Представился начальнику штаба группы усиления – доктору Г. А. Костюку, которого знал еще по Афганистану, и начальнику госпиталя – Геннадию Ивановичу Смышляеву. Коротко разобрался в положении дел. В зоне продолжаются восстановительные работы, в городе неспокойно, особенно по вечерам и ночью. С 10 вечера действует комендантский час. Сегодня был какой-то конфликт, обещают, что будет и завтра. Предупредили о нежелательности прогулок в город. В госпитале – около 150 раненых. Начиная с 22.12., часть из ранее поступивших группами переведена в Ленинград, в ВМА им. С. М. Кирова, часть в Москву – в госпиталь им. Н. Н. Бурденко. Подготавливаются и другие. Только что убыли главные специалисты – профессора Э. А. Нечаев и В. Т. Ивашкин, работавшие здесь с 8.12. Моя роль, как это и определено ЦВМУ, замещать главного терапевта на данном отрезке работы.

Разместили на жилье в люксе – в отдельной палате Ереванского института курортологии и физиотерапии, расположенного на узенькой улице им. братьев Орбели, неподалеку от госпиталя. Номер с лоджией. С высоты четвертого этажа хорошо видна панорама Еревана. Внизу – глубокий овраг, на дне которого в снежных берегах бьется Раздан. На противоположном берегу на вершине холма возвышается острый шпиль – памятная стела в честь миллионов армян, вырезанных в 1915 г. в Восточной Турции.

В номере холодно, но если плотно прикрыть балконную дверь, то становится как будто ничего. Есть стол, удобный для работы, телевизор. Поселившие меня женщины-армянки были очень внимательны, с уважением вспомнили, что здесь, до меня, жил главный хирург госпиталя им. Бурденко – В. Г. Брюсов. Институт за месяц до землетрясения был поставлен на капитальный ремонт. Больных выписали, но персонал регулярно ходил на работу. Начиная с 8.12. здание отдали под общежитие для врачей и сестер, прибывших из Ленинграда и Москвы. И к моему приезду здесь жили еще более двух десятков человек. Крыша над головой есть – можно включаться в работу.

Вернулся в госпиталь. С подполковником медицинской службы В. М. Емельяненко – преподавателем-терапевтом из ВМА – обошли все этажи. И в реанимационном, и в хирургическом, и в терапевтическом, и в неврологическом отделениях – повсюду раненые. В большинстве случаев поступившие с 7 по 11.12., реже переведенные позже из других больниц Еревана и республики. Были и те, что пострадали уже в ходе спасательно-восстановительных работ, – шоферы, летчики.

В палатах тесно, грязно, прохладно. Небритые мужики-армяне, грузные армянки. Похудевшие, бледные, но поправляющиеся. Тяжелые, те, что не умерли, – в реанимации. Часть больных выписана, часть отправлена в Москву, Ленинград, Омск… Сегодня отправили 11 чел., назавтра подготовлено столько же. Отправляют «Спасателем». Полагают, что к 5.10.01. госпиталь в основном освободится. Но работы еще много… И у меня появляются первые больные.

Армянин, которого откопали в Ленинакане с переломами ног, поправляется и несколько эйфорично, со слезами на глазах громко благодарит русский народ и-русских врачей.

На койке сидит полная женщина, расчесывает полуседые волосы. Ее история такова: она кассир в магазине, сидела у своей конторки на 1-м этаже. В один миг рухнуло 9-этажное здание, ее завалило. Лежала в завале, отделавшись ушибами, пока на 9-й день не откопали… Частенько плачет.

Рядом лежит другая. Ее с грудным ребенком завалило в доме. На 5-й день, лежа на ней, ребенок умер, все плакал. А ее с позиционным синдромом на 9-й день отрыли.

Быстро темнеет: декабрь. В штабе группы сидит народ, звонят телефоны, составляются и передаются сводки, обсуждаются новости, сменяются дежурные. Прибыл С. Б. Коробов – из лечебного отдела ЦВМУ, теперь он возглавит деятельность остающейся части группы усиления, работающей как в госпитале, так и в других стационарах Еревана, а также в зоне. Ужинаем в

пищеблоке госпиталя. Холодище: сидим в шинелях, все холодное, кроме чая. Вечером, несмотря на предостережения, пошел на почту. Никогда за всю свою жизнь, если не считать Афганистана, не ходил по вечернему городу, как в разведку, вглядываясь и оглядываясь. И всего-то – телеграмму послать…

Заглянув в штаб, побрёл к себе в номер, куда еще утром забросил вещи. Залез под одеяло в спортивном костюме. День позади. Ясно: предстоит поработать с ранеными, особенно с теми, кто перенес синдром длительного раздавливания (СДР), взять под наблюдение реанимационную, посетить больницу Эребуни – госпиталь для септической травмы, съездить в медицинские учреждения Ленинакана и Спитака, заняться архивом – историями болезни тех пострадавших, которых в госпитале уже нет.

Над моей головой в номере – портрет Иоганна Фридриха Шиллера (1759–1805 гг.). Это обязывает…

28.12. Утром —20°. Розовый туф и чистый снег. Дома с верандами, лесенками, мансардами, широкими балконами. На балконах висит белье, простыни, тюлевые занавеси. Молодая женщина отдирает белье, примерзшее к веревкам.

Утренняя конференция. Унылая сводка о поступивших и выбывших. Перепалка по поводу воровства продуктов у пострадавших. Раздражение: чувствуется, люди устали, работа была напряженнейшая все эти три недели. Начальник госпиталя – грузный, спокойный, медлительный добродушный человек с неизменной сигаретой во рту – до сих пор, с самого дня землетрясения, спит в госпитале на раскладушке.

Побывал в реанимационной на 4 койки. Оснащение обычное: ВЭКС, наркозный аппарат, «Фаза», кислород. Аппарат «искусственная почка» консервируется, хотя нефролог Николай Павлович Потехин и трансфузиолог Гранкин еще здесь. Из 220 пострадавших, поступивших в госпиталь, СДР отмечен примерно у 65, многим из них проводились сеансы гемодиализа.

Ночью умерли трое: вертолетчик – не дотянул до Ленинакана (не хватило бензина. Садился на склон, да неудачно, машина сорвалась и взорвалась); солдат с огнестрельной раной черепа; женщина, попавшая в аварию. Остался один: с политравмой (сотрясение головного мозга, перелом бедра). КамАЗ из Ленинакана сбил их машину. Поступил в госпиталь через 2 ч – привез таксист-армянин.

Команда: можно поехать в Спитак. Коробов берет меня. Долго ждали машину, но зато едем в великолепной черной «Волге». Долго пробираемся по городу: машин масса, людей полно. Такое впечатление, что никто не работает. Проезжаем театральную

площадь. Как должно быть холодно солдату, стоящему здесь на посту.

Ереван – город на холмах, гор высоких не видно, тем более что постоянно висит смог. Шофер Вахтанг, красивый, толковый и разговорчивый парень, настроен доброжелательно. В разговоре выясняется, что отношение к военным разное: затаскивают в шашлычные, кормят, угощают, не считая затрат (особенно военных врачей), приглашают в гости, возят по городу, в целом очень благодарны и любят об этом громко заявлять вслух; другие – и их немало – открыто привязываются, провоцируют, требуют уйти из Армении. Слушаю, размышляю.

Спитак сейчас – самое больное место на планете. Уже чтобы прикоснуться к этому месту, стоило ехать сюда.

Дороги отличные, широкое шоссе неуклонно идет в горы. Движение транспорта напряженное. Подсчитал: на 100 м до 30–40 автомашин в обоих направлениях. Лес, доски, краны, бульдозеры на платформах, толь, цементные блоки. То и дело юркает «скорая помощь». Знакомые уже по телевидению и незнакомые разрушения. Они начинаются километров за 20 до Спитака, за Аштараком и Апараном. Сдвинуты крыши домов, обрушены стены, вывернуты камни, выщерблены парапеты дорог из туфа и мрамора. Полегли фермы. Чем ближе к Спитаку, тем обширнее и плотнее картина разрушений.

Перед въездом в город, раскинувшийся в лощине среди невысоких гор, покрытых глубоким снегом, горы каменного мусора. Здесь же расположилась автобаза. Основные улицы уже расчищены. Посты милиции при въезде и на каждом углу. Местного населения почти нет, практически одни мужчины. Целого современного здания – ни одного. Висят обрывки этажей. Дома с перебитым позвоночником, с выбитыми зубами, оскаленным кровавым ртом. На балконах и лоджиях подвешены связки лука, уже 20 дней висит белье. Обрушилась стена и обнажила анатомию квартир, в которые нельзя подняться. На оставшейся части пола новенький шифоньер, диван с подушками… Раздавленные блоками гаражей легковые машины, к которым 20 дней не наведываются хозяева. Полегли автобусные стоянки.

Контраст: солнце, горы, голубой снег, чистый воздух и гибель, смерть, тряпье, оборванные струны жизни. Покосившиеся фонари, выбитые стекла, осыпавшаяся черепица, продырявленные крыши. Холод, холод, обесчеловеченное жилье. Есть здания внешне целые, занавеси, стекла не выбиты, но в них не живут. Они опасны. Не видно собак.

Над городом как гимн – каменное величественное кладбище,

которое пощадила стихия. У стен его сотни гробов – черных, белых – струганых, красных, детских, взрослых… Гробы лежат, стоят, громоздятся. Их явный избыток, хотя, по-видимому, еще не одна тысяча погибших не раскопана. Гробы уже начинают раздавать на доски для тамбуров к палаткам…

У выезда из города, по дороге на \'Кировакан, – железнодорожная станция, пути, рабочие. Много бульдозеров, работают краны, загребают, насыпают. Здесь же стоянка грузовых машин. Барачные палатки. У костров– шоферы. Кипятят воду, пьют чай, греют руки. Раздают с борта буханки хлеба. Вытянулась очередь за водой: с водой плохо. Прямо под открытым небом – на заборе – аппараты междугородного телефона, и к ним – очередь. Народ понаехал со всего Союза, связь необходима.

За переездом – по одну сторону дороги – элеватор. Одна из шахт повреждена, ее собираются взрывать. Поговаривают, однако, что в подвалах еще могут быть люди. Зерно ссыпалось, перемешалось со снегом, его вывозят. По другую сторону; – госпитали – норвежский, югославский, из Литвы (на флагштоке – флаг буржуазной республики), наш – военно-полевой, развернутый здесь 23.12.– на смену медпункту, работавшему в составе группы усиления из ЦВМУ на стадионе с 8 по 23.12. В госпиталь мы, еще заедем, а сейчас – в Кировакан.

Это недалеко, вдоль железной дороги. Город гораздо лучше сохранился. Дымят трубы, дома живут. Смешанное, в том числе приезжее, население. Беженцы. Очереди в магазинах. Вокзал внешне цел, но внутренние блоки повалились. Местами – разрушенные или оставленные людьми дома. От Кировакана до Еревана 115 км. Возвращаемся в Спитак: чем ближе, тем больше разрушений. Ответвление на Степанован. Далее – г. Пушкин. Рассказывали о встрече в этих горах двух Александров Сергеевичей – Пушкина и Грибоедова…

Чтобы успеть проехать в горах, возвращаясь в Ереван до темноты, нужно спешить, но два часа еще есть. Госпиталь развенут в палатках – УСБ и УСТ. В каждой – печи. Чтобы усилить обогрев, печи имеют дополнительную железную оболочку, берегущую тепло. Уголь горит плохо. Жизнеобеспечение забирает до половины усилий коллектива. Развернуты и действуют приемное, хирургические отделения. Терапевтическое и инфекционное отделения отстают. Хирурги уже в тепле. Прошло всего четыре дня, а прием уже идет – солдаты, рабочие, шоферы, дети, женщины. Поступают с панарициями, флегмонами, абсцессами, ОРЗ, трахеобронхитом, переломами. Вчера сделали первую аппендэктомию.

Начальник госпиталя – подполковник медицинской службы

Поляков. Начальник терапевтического отделения – майор медицинской службы Бучинский, выпускник нашего факультета 1975 г. Много беседовали с ним. Есть и другие выпускники (капитан Лисичек и другие). Трудностей много. Главное – жилье.

Обошел все палатки, беседовал с больными. В приемном отделении сидят две женщины с детьми. Обе армянки. У одной муж – танкист в Кировакане. Ждет его. Живет в Спитаке, в разрушенном доме, хотя это и опасно, так как толчки повторяются. Другая ютится у родных, всего лишившись, а уезжать боится. Дети кашляют, сопливят. Вместе с дежурным врачом послушали, дали лекарства. Хорошо бы горчичников, но их нет. Вроде все вопросы решили, а пациенты не уходят: хорошо сидеть в тепле, возле раскаленной печки и слушать радио. Пришел погреться рабочий-подрывник с элеватора. Они часто приходят. Чтобы тепло дольше не выходило, сделали тамбуры из досок. Для этой цели выбили на кладбище 90 гробов…

Прибыл начмед округа генерал Петр Петрович Коротких. Человек внимательный, доброжелательный, в то же время увлекающе-требовательный и конкретный. Я знал его раньше. Это хорошо, что на таком тяжелом округе (Баку, Грузия – теперь землетрясение) оказался эрудированный, мыслящий организатор. Его резиденция сейчас – Ленинакан. Все обошел, всех выслушал, шумно поругал, не унижая и присев на лавке в палатке-столовой, сказал: «Доставай бумагу и пиши!» Домики, шанцевый инструмент, вопросы связи, продовольственное снабжение (нач. прод. здесь – лейтенантик этого года выпуска…). Рытье рвов: выявлен потенциальный очаг туляремии в районе Спитака. Летом это может обернуться бедой. Кстати, опасность доказана работающим в Спитаке коллективом из Саратовского НИИ «Микроб». Начальник госпиталя добросовестно записал распоряжения. А позже перекусили тем, что было, проводили Петра Петровича и уехали сами.

Вновь через мертвый Спитак с покосившимися вывесками и висящими балконами, с детскими игрушками в грудах камней.

Горы, горы. Дорога взбирается вверх серпантином. Едем на заходящее солнце. Так же как когда-то, когда служил в десантных войсках, возвращались с парашютных прыжков. Но страшная реальность состоит в том, что это же Спитак, а не просто госпиталь, автопарк, люди, машины на шоссе…

Беспокоит рассказ, услышанный от кого-то. Сын на развалинах дома услышал голос отца и матери, заваленных в глубине тяжелыми блоками. Сделать было ничего нельзя: не было техники. Трое суток беседовал с ними, пока отвечали. Раскопали на 5-й день (израильские спасатели), но уже мертвыми, хотя и без

единой царапины. Этими трагедиями устлан здесь каждый метр.

На пологом заснеженном обрыве – остов сгоревшего КамАЗа, одна из многочисленных жертв помощи. Вчера в этих краях разбился вертолет. Едем на солнце и на Арарат – двугорбую вершину. Армянская святыня. Гора в Турции, а кажется – совсем рядом. Граница в двух шагах.

Вернулись затемно. Зашел в реанимационную. У раненого шофера с опрокинувшегося КамАЗа, которого видел утром, развилась жировая эмболия. Кома, одышка – до 50 в мин. Тахикардия, появилась желтуха, растет мочевина крови, увеличилась печень. В анализах – гипоксия и гипокапния. На фоне мозговой клиники формируется подострое легочное сердце. Подобные наблюдения у меня связаны и Кабульским госпиталем. Прогноз плохой.

В штабе не исключают возможность объявления тревоги. Побрел «домой». Улицы пустынны, 1–2 прохожих, в окнах редкие огни. Пришлось стучать в дверь, привратник уже закрылся.

29.12. Два полюса: самоотверженная работа травматологов, анестезиологов, специалистов различного профиля, прибывших для усиления госпиталя, и здесь же – среди санитарок – ворье: у больных берут продукты;, несут за ворота сумки с медикаментами (попадаются немногие). Госпиталь стал проходным двором: ходят родственники-армяне по коридорам и палатам в шапках, в пальто, как в какой-нибудь сельской больнице в саратовской глубинке. А тут еще официантку застали с солдатом за делом прямо в лифте грузовом…

В реанимацию поступил из терапевтического отделения больной Погосян, 60 лет. Землетрясение застало его на улице в Спитаке. Побежал, чтобы не попасть под обломки падающих зданий, упал и сломал бедро. 9.12. был доставлен в госпиталь, и дело пошло на поправку, два дня назад уже разрешили ходить по палате. Однако на фоне имевшейся у него патологии (диабет, хроническая почечная недостаточность) развивается инсульт, декомпенсируется диабет (ацетон в моче). В коме, состояние тяжелое.

Сестры в реанимационной деловые, опыт у них теперь, после пережитого с 7-го по нынешний день, колоссальный, фронтовые сестры.

Из бесед с начальником госпиталя Геннадием Ивановичем Смышляевым, с травматологами (Магомедов и другие), с невропатологами (среди них – Алекберов, наш выпускник), с терапевтами (Федоряченко, Дубасов, Арзуманян), с начальником депо – Хабаровым и другими – постепенно вырисовывается картина первых двух-трех дней работы, особенно первого дня,

когда госпиталь работал без группы усиления.

Г. И. Смышляев (в паузах между затяжками сигареты): «7.12. в 11.45 стол вдруг поехал в середину кабинета и откатился назад. Сообразили: звонок дежурному, чтобы выходили и вывозили из здания подальше, распоряжение о создании бригады для экстренной помощи. Выскочили на балкон. Дом качается – то к улице, то назад. Потом стихло. Через. 15 мин. звонок из округа, – «Сильное землетрясение, где – не ясно, ты подготовь бригаду на всякий случай». Через час: «Землетрясение в Кировакане и немного дальше…» Через три часа: «Ложные данные, на самом деле зона шире, по объему разрушений: в Ленинакане – до 60 %, в Спитаке – 301 %, в Кировакане – отдельные здания». А к этому времени бригада травматологов и анестезиологов уже работала в Кировакане. Уже к ночи 7.12. в госпиталь поступили первые 15 человек».

Травматолог госпиталя (русский, гражданский, с усами, очень разговорчивый…): «…в первую ночь было особенно тяжело. И привезли-то всего 15–17 чел., а все сбились с ног и валились от усталости, а ведь везли и тащили вновь и вновь. Приемный покой маленький, заполнили вестибюль и лестничные пролеты носилками. Сортировка часто превращалась в нечто другое. Кто имел родственников, продвигался к операционному столу или к койке гораздо быстрее. Раненых клали на одеяла и проносили через двери еще до сортировки. А ничьи, крайне тяжелые, подчас оставались в вестибюле… Отделения были заставлены койками так плотно, что нельзя было поставить капельницы, вынести раненого на операцию или перевязку. Все этажи быстро превратились в караван-сарай. Гардероб не работал (гардеробщица сбежала в зону – искать своих родных), поэтому все шли в пальто и шапках. Все это, в том числе масса продуктов на окнах и на полу, страшно нервировало всех. Особенно страдал от этого и ругался главный хирург Брюсов. Но что можно было сделать, когда все хирурги были на пределе».

Терапевт госпиталя Владимир Иванович Федоряченко: «Первое, что сделали, – выписали или подготовили к выписке 60 терапевтических больных, остались несколько тяжелых. Отделение стало хирургическим. Стремились концентрировать в нем раненых, не требовавших больших вмешательств, без травматического шока, послеоперационных. Сестрам пришлось переквалифицироваться: перевязки, переливание крови, много процедурной работы. Терапевты – четверо госпитальных, а с 8–9.12. еще двое-трое: из группы усиления (Емельяненко, Горбаков, Шаталов) – работали в качестве консультантов, разбившись по отделениям. Открылась панорама разнообразной патологии

внутренних органов при травме и СДР. Почечная, сердечная, дыхательная недостаточность, полисистемные изменения. Многое вновинку, приходилось спешно учиться. Многое зависело от нефролога, специалистов по гемодиализу (Потехин, Гранкин). Когда прекратйлось массовое поступление раненых (к 11–12.12.) и снизилась хирургическая активность (к 15–17.12.), у терапевтов только еще пошла работа. Много помогал Владимир Трофимович Ивашкин».

«Кроме официальных результатов в работе – записей в историях болезни, гораздо большее место занимала устная деятельность – утренние и вечерние врачебные конференции, совместные консультации различных специалистов, выработка совместных решений и т. п. Этого не восстановишь и всего не запишешь».

Приехала бригада из Тбилисского окружного госпиталя – помочь в работе. Среди них – анестезиолог-грузин, травматолог – Магомедов (наш выпускник 1984 г.), сестры.

В столовой помогала маме обслуживать нас Катенька – 2-й класс, в длинном официантском халатике…

Начал работу с историями болезни: их больше 200. Без тщательного анализа и этот материал пропадет, как пропал афганский.

В реанимационную перевели двух женщин: ухудшилось состояние. У одной ампутирована нога, а в зоне локтевой вены намечается тромбоз. Боли, лихорадка, одышка. Вторая – без ноги – все время плачет. Капризная, негативна, худая, изможденная, глаза провалились, беспомощная. Помочь ей трудно. Присоединилась пневмония, но дело в депрессии. Умер Погосян, так и не выйдя из уремической комы.

Рассказам пострадавших нет конца. Такое впечатление, будто рот от горя не открывается и вырывается хрип. «Сын погиб на 4-й день, дочь – на 6-й, мать вытащили на 11-й. Они не были придавлены особенно, но были в маленьком замкнутом пространстве…» «Возле развалин дома сидит группа людей, плачут. Оказывается, один из них сидит, а стопа его придавлена плитой. Вытащить ее невозможно без крана. Он тоже плачет». Странно, что люди не сходят с ума – ни там, в зоне, ни потом.

Армянские ребятишки удивительно красивы. Софочка на улице, невозможные глазищи, худенькая шейка выглядывает из школьной формы. За спиной ранец. 3-й класс. «Как четверть?» – «Ни одной пятерки…» По коридору терапевтического отделения безногий солдат на каталке возит мальчика лет семи, посадив его «в ноги». Оба страшно довольны. У мальчишки перебинтована голова (аутопластика раны головы).

После обеда в клубе госпиталя полковник Костюк дает концерт для выздоравливающих и для сотрудников. Концерт из собственных афганских песен. Слова, музыка и исполнение – автора. Вещи – многие – хорошие, особенно «О Ленинграде».

Моего сына Сергея, командира госпитального взвода медроты в Минске, 4 декабря по тревоге в бронежилете на ИЛ-76 отправили в Баку в связи с известной напряженностью. Когда случилось землетрясение, их перебросили в Имешли (Ленкорань). Врачебная работа в сочетании с патрульной, а в последние дни его назначили даже комендантом железнодорожной станции (составы, беженцы и пр.). Но зато у него появилась возможность по ночам звонить в Минск (семье) и в Саратов (маме). Но в Ереван пробиться оказалось невозможным. Редкая ситуация: сын – в Азербайджане, отец – в Ереване. Что еще может сделать Горбачев в этой сложной ситуации?!

Поздно вечером удалось и мне позвонить в Минск невестке Алёне. Поговорил с Мишуткой – внуком (ему 1,5 г.). Сопит и молчит, а Ленка говорит: «Мишка трубку целует». Говорит, что ко всем офицерам тянется, ждет «папку». К портрету Розенбаума, висящему дома, которого (из-за усов) он принимает за папку, носит мандарины. Это уже цепочка: дед, сын, внук. Сергей передает через Ленку просьбу ко мне, чтобы я был осторожнее.

Бреду по пустынной улице «домой». Впереди медленно идут мальчик лет тринадцати и девочка лет десяти. Мальчик тащит на спине рюкзак с бутылками из-под пепси-колы, девочка – коробку и сумку. Дошли до бордюра, прислонились отдохнуть. Эти армяне многого не наворуют. Бедняки. Скорее всего матери помогают, а может быть, беженцы. Это не те армяне, из-за которых все здесь так прогнило.

В три часа ночи постучали – тревога, в штаб с вещами. Оказывается, дали борт на Ленинград, а Костюк поднял всех. Поплелся домой: пусть будет 20 самолетов, только бы ситуация не осложнялась.

30.12. В 8.00. улетел самолет на Ленинград, увезя 10–15 специалистов группы усиления и до 10 раненых. Улетел и последний из терапевтов, работавших до меня. Штаб заметно поредел, но служба идет.

В реанимации – без перемен. Предположение о тромбозе локтевой вены, по-видимому, не подтверждается: больной явно лучше.

Госпитализируются уже и обычные терапевтические больные. Проконсультировал солдата с ревматоидным артритом и солдата по фамилии Симонян, который прибыл к родственникам в Ереван в связи с трагедией в семье и заболел пневмонией. Возле него

дядя – доцент, мама – кардиолог и папа. Кормят с трех ложек. Мама училась в Москве. Очень успокоились, узнав, что я профессор.

Поехал в больницу Эребуни. Со мной в уазике девушка Давитян, студентка Ленинаканского педагогического института. Переводится из военного госпиталя в Эребуни из-за гнойного процесса в ране. Землетрясение застало их группу прямо в аудитории. Задавило упавшим потолком, но она удачно успела упасть под стол, придавило ей только предплечье. О судьбе группы ничего не знает. Одета плохонько, узелок в руке, да книга на армянском. Другая – на носилках, лет пятидесяти, тоже с нагноившейся раной, все время стонет. Когда подъехали к больнице, оказалось, что носилки тащить некому. Пришлось мне с шофером.

Эребуни – типовая 10-этажная больница (в форме гребня). Две кафедры: хирургии и травматологии. Наш доктор – бактериолог Владимир Иванович Кочаровец (из ВМА), который здесь и живет, и работает, познакомил меня с профессором Степаном Сумеровичем Оганесяном и доктором Петросяном, а позже – с зав. реаниматологическим отделением по имени Эдуард. Встретили меня без энтузиазма, но потеплели, вспомнив знакомых саратовских хирургов (К. И. Мышкина и др.). Познакомили с больными. А дальше я уже работал сам почти три часа.

Статистика Эребупи, в которой с 8.12. по 24–27.12. работали десятки наших военных хирургов, лаборантов, терапевтов, такова: начало поступления – 8.12.» конец – 24.12, Всего поступило из зоны 990 чел. Из них через реанимацию – 150 чел. Умерло 60 (как правило, СДР, ОПН), 27 умерло в реанимации (это в 1,5 раза больше, чем в реанимационном отделении в Кабульском военном госпитале). Из 990 чел. около 100 с тяжелой классической формой СДР и ОПН, еще 100, по-видимому, – с СДР и ОПН, но не потребовавших аппаратного пособия, и еще около 100 с элементами СДР (ОПН). Таким образом, частота СДР в Эребуни оказалась близкой той, которую я установил в военном госпитале, просмотрев истории болезни, – около 28–30 %. Нужно еще иметь в виду, что у такого же числа пострадавших – 300–400 чел. – была «ситуация сдавления» без развития СДР. Спасибо профессору Оганесяну за то, что весьма точно ввел меня в дело и помог увидеть панораму травмы. Думаю, что гипердиагностика СДР, основанная на переоценке обстоятельств травмы, даже без достаточного учета клиники, в целом и особенно в каждом конкретном случае оправдана, так как обеспечивает максимум усилий специалистов.

А дальше было хождение по мукам без кавычек.

В мужской палате тесно. Мужчина 30 лет. Ампутирована нога. Очень тепло одет и закрыт одеялом (после капельницы трясло). СДР, ОПН, но уже вышел из опасной зоны, полиурическая фаза. Ухаживает жена.

Еще двое – постарше. Аналогия – столь же терпеливы. Окружены вниманием родственников. Каким-то будет их место среди родных в будущем.

Грузный юноша. Повернувшись к окну, спит. Возле – мать. Отец в Москве – в хирургической клинике. А ему сдавило руку, высокая ампутация плеча. Депрессивное состояние.

Ампутации – практически все поздние, уже на фоне ОПН. Их – при ишемических явлениях в мышцах – произведен у 15–20 % от всех пострадавших, доставленных в Эребуни (столько же в военном госпитале).

Один с ампутацией стопы уже сидит. Рассказывает: «Шли занятия в казарме. В перерыве я и большинство других вышли во двор. 13 остались в классе. Затряслась земля. Я схватился за столб, за меня еще двое, трудно было устоять. Казарма рухнула. Когда-откопали, оказалось, что все оставшиеся погибли – кто на месте, кто у самой двери. Выскочить не успели».

Небритый старик, 68 лет, из Спитака, инвалид 2-й группы в связи с анкилозом голеностопного сустава после ранения, полученного в Великой Отечественной войне. Во время первого толчка был на 2-м этаже. Упало перекрытие, сдавило стопу больной ноги. Из-за нее он оказался таким неловким. Кричал. Никто не слышал. Потом уже кричать не мог, только стонал. Отдыхая, пальцами здоровой ноги стал подкапываться. Стопу ему удалось вытащить лишь через 15 ч. Выполз самостоятельно. В Эребуни сделана ампутация. Война догнала.

Одессит (русский) – «шабашник» (как он сам себя назвал), 26 лет, приехал в Ленинакан 7.12. в 9.00., пришел с вокзала домой и лег спать. Приехал так, без определенной цели. Вдруг заходила комната и понесло вещи. Ухватился за спинку кровати. Во время 3-го толчка, основного, выбросило стену дома с большим окном и в этот провал вылетела койка. Упала с 8-го этажа на груду обломков ножками вниз и тотчас же была накрыта плитой (панелью). Головной конец сдержал тяжесть плиты, хотя и сплющился, а левая голень попала под край плиты. Было трудно дышать, так как прижало, но орал «благим матом». Люди доползли до него, но 5 ч. не могли сбросить панель, не было чем. Затем ампутация бедра в нижней трети. Написал только матери. Жене (с детьми в Одессе) не сообщает – «зачем расстраивать». Может быть, не уверен в ней. С тех пор вот уже больше трех

недель не спит: «Ничего не берет – ни седуксен, ни снотворные». И не потому, что болит рана. Его поражает стечение случайностей: случайно приехал, случайно за 2 ч. до землетрясения, случайно вылетел вместе с койкой, и она его спасла. «Ехал за ампутацией здоровой ноги». А теперь? Как жить, если твоя профессия «шабашник». Что ему ответишь? Помолчал и добавил: «Первые две недели непрерывно рвало, хотя голову и не ушибло…» Интоксикация.

Филолог, 45 лет, канд. пед. наук, работал на кафедре в Ленинаканском педагогическом институте, позже – в школе. Типичный армянин, худой, как сухое дерево. «Обрушился дом. Сдавило обе голени. Сознание не терял. Откопали через сутки. Ампутации обеих голеней в нижней трети. До сих пор фантомные ощущения и боли в пальцах стоп». Бодрится, шутит: «Русские – оптимистичнее армян». Думаю, что оптимизм не специфически русская национальная черта. ОПН у него была, но обошлось без гемодиализа, возможно, за счет ранней ампутации. Готовится к переводу в Институт Вишневского для подготовки к протезированию. С ним жена – армянка, говорящая по-русски без малейшего акцента. Выяснилось – она учительница русского языка. Здесь уже просматривается начало социальной, психологической реабилитации.

Хожу по отделению, как будто ношу несу. Люди охотно доверяют мне свою боль, и, хотя я больше молчу или, послушав сердце и легкие, подбодрю тем, что с этим у них вес в порядке, или о Саратове и Волге упомяну – не бог весть что, – очень благодарны.

Перевязочная. На столе совершенно голая молодая женщина. Ноги раздвинуты. Ноги! Одной нет: высокая ампутация бедра – громадная гнойная рана. Идет перевязка: промокшее гноем снимают, моют, чистое кладут. Подняла голову, вытянула шею, смотрит – как там? Чуть позже она уже в палате, в сорочке, под одеялом. Рядом с ней муж.

Сейчас в Эребуни преобладает плановая хирургическая работа. Работают три аппарата ГБО, гемодиализная на замке (всего, было от разных государств до 10 аппаратов «искусственная почка») – аппараты свалены и не нужны. Полно лекарств – всяких, названия многих – импортных – неизвестны. Сейчас у армянской профессуры уже сдержанно-снисходительное отношение к русским врачам, прибывшим к ним на помощь в очень трудное время. Некоторые уже не помнят, как 9—11.12. к ним «опустился десант» из 80 военных хирургов. А что тогда было? Раненые поступают, а персонал на личном транспорте «рванул» в Ленинакан – каждый спасать своего. Понять это можно, но и

больницу оставлять без врачей было преступно. А сейчас нашим дают понять – открыто, на пятиминутках, – чтобы скорее уезжали, так как им не на что стало жить, не на что покупать бензин. Наши денег не берут с раненых и их родственников, и им перестали платить. Какая мораль?! Обычная финансовая катастрофа: армянская фирма не выдержала конкуренции бессребреников.

Спускаюсь в реанимационное отделение: На 18 штатных койках в дни массового поступления лежало до 50, заполняя широкий коридор. Правда, многие умирали тут же, доставленные уже в атональном состоянии. Показал мне десяток больных, все еще лежащих здесь, сам заведующий – Эдуард (Эдик), фамилию не записал и не запомнил. Очень подвижный, заводной, энергичный и подготовленный реаниматолог.

Сюзанна, 18 лет, девушка из Ленинакана, высокая ампутация обеих ног. ОПН, серия сеансов гемодиализа. Сейчас шлаки вышли, раны поджили. Соматическое состояние удовлетворительное. Лишь анемия – тяжелое и стойкое осложнение СДР и ОПН. Психическое состояние адекватное, но без крайних проявлений. Лежит, как белая лилия, закрыв глаза. Руки раскинуты, а ног нет.

Сусанна, 35 лет, мать троих детей. Ленинакан. Задавило всю семью. Однако дети после ушибов и ссадин уже выписались из больницы, ждут ее у родных, муж в Москву отправлен. А у нее ампутация обеих бедер. СДР, ОПН, которая уже разрешилась. Но психическое состояние тяжелейшее. Только на наркотиках, реланиуме. Час поспит и начинает громко стонать, требуя к себе врачей и… морфия. Так все последние дни. Хирургическая, реаниматологическая, соматическая ситуации завершаются успешно, а на первый план выходят нарушения психики. Этим нужно заниматься сейчас, скоро будет поздно. Мать ее, сидящая рядом, говорит мне тихо: «Хоть и без ног, но все же дети на маму могут посмотреть, пусть живет». Через 15 мин после моего осмотра она заснула, нашпигованная лекарствами. Измученное страданием красивое лицо, кожа цвета слоновой кости.

Рядом женщина лет сорока, из Ленинакана. Спит. Одеяло обрывается на уровне таза. Высокая ампутация обеих бедер, выкидыш вскоре после сдавления. Она не знает, что муж и трое ее детей погибли. Будущее, у которого одно прошлое.

В отдельной палате лежит молодой мужчина, поступивший из Спитака. Всего лишь ссадина на ноге и… столбняк. Уже 18 дней на искусственной вентиляции легких. Теперь уже есть признаки восстановления самостоятельного дыхания. Эдик говорит, что выкарабкается. А несколько дней назад здесь же умерла от столбняка женщина. Все это – дефект первой помощи,

не вводят противостолбнячную сыворотку.

Интересно (и Эдик это подтверждает), что, несмотря на СДР, политравму, долгие лишения, ампутации, лихорадку, у пострадавших, как правило, не развивается заметный дефицит массы тела. По сравнению с классическими представлениями не подтверждается факт развития гиперкалиемии (ни лабораторно, ни электрокардиографически) до возникновения почечной недостаточности, хотя, скорее всего, дело в поздней диагностике.

Захожу в ординаторскую. Все четверо курят, в том числе сестра – беженка из Баку. Говорю: «Ребята, бросайте курить!» Отвечают: «Если бы вы были с нами, вы бы тоже закурили». Да, я побыл здесь, ужаснулся, расстроился и уехал. А им еще сегодня десятки раз на день подходить к этим несчастным, к стонам. Какие нервы нужно иметь!

Сел в городской автобус, набитый людьми. Протиснулся и вышел у метро. Тускло освещенные станции – площадь Спаидаряна, маршала Баграмяна, «Дружба». От «Дружбы» вниз по мокрому снегу до госпиталя.

Во мне все время какая-то грустная песня. О чем эта песня? Эта ноша? Эта печаль? О людях. Кому нужны воины-интернационалисты, калеки афганские?! Разве что матерям. Кого они защитили? Кому нужны будут армянские, спитакские, ленинаканские калеки? Добрых 10000 инвалидов? Разве что матерям, если остались в живых.

Как нельзя понять бесконечность, Вселенную, так нельзя почувствовать, выразить все горе армян! А ведь я еще не видел раздавленных детей. Для того чтобы это вобрать в себя и выразить, нужно быть или Шекспиром, Лермонтовым, Достоевским, или сумасшедшим.

Вечером посмотрел солдата Симоняна с пневмонией. Ему получше. Служит он в Краснодарском крае, службой доволен. Ему, конечно, «повезло», что заболел, побудет подольше со своими.

В штабе – Г. И. Смышляев, который так и живет в госпитале, С. Б. Коробов, начмед – армянин, дежурная служба. Телевизор, шахматишки, перекуры, свежезаваренный чай, разговоры. Обещают новое землетрясение в Армении – сегодня, 31-го, или 1-го. В Дилижане уже объявлена такая возможность. В приемном покое, в коридоре в штабе нет отбоя от «отпускников», прибывших на похороны, и т. п. Идут на все, только бы остаться. Какое-то нашествие.

Сгорел склад с медикаментами МЗ Армении. Об этом говорят, как о попытке скрыть следы воровства.

Перед самым землетрясением в Ленинакан был – переведен

подполковник медицинской службы, перевез семью, и вся она погибла. Такие трагедии не единичны. Опубликовано интервью Язова против замалчивания роли армии, в том числе военно-медицинской службы, оказавшей наиболее раннюю и эффективную помощь пострадавшим в зоне.

31.12. Утром туман такой, что не видно противоположной стороны оврага, на дне которого течет Раздан. Солнце – как оловянный грош. Тихо, легкий морозец.

30-го отправили еще одну группу раненых, их переводят в центры протезирования: в пансионаты на Кавказском побережье. Армяне, пострадавшие, вылеченные, направляемые на реабилитацию в пансионаты, все время требуют: то Вильнюс, Рижское взморье, то, наоборот, только в Армении, причем требуют хорошее пальто, новую одежду, обувь, чуть поношенное не берут. Так и сидят на узлах в палатах, добиваясь своего. Замполит госпиталя с ног сбился, уговаривая их. Зато наши – только бы уехать, в любой одежде. Те, кто бывал в коллекторе вещей, собранных по всей стране и доставленных в Ереван, видел, как хищнически расхватывается лучшее совсем не для пострадавших. Все это вызывает недоумение и возмущение.

В реанимационной пополнение: ночью поступил майор, лет 35, с инфарктом миокарда и явлениями кардиогенного шока. Кожа влажная, бледен, тахикардия, давление снижено, но боль уже купирована, несколько эйфоричен. Думаю, все обойдется, но нужен строгий покой. Договорились об этом с ним с трудом. Интересно, что перенес землетрясение вместе с семьей, успели выскочить, но все имущество завалило. Пришлось бежать в часть, работы было много. Семью вместе с другими на следующий день отправили, пока не знает куда, как будто в Ростов, выбирать не приходилось. Не заметил в работе, как проскочили эти три недели, а вчера вдруг, после бани, так зажало сердце, что чуть не умер. Прежде никогда никаких болей в сердце не было. Это запоздалая расплата за нервное перенапряжение. Эти мины замедленного действия еще долго будут взрываться.

А армянкам – полегче. После Нового года их вернут в плановое отделение.

У реанимационной есть хозяин – начальник. Но к пациентам он относится скорее как квартиросъёмщик. Ведут больных врачи из тех отделений, из которых они переведены в реанимацию. Странно. В Кабульском госпитале было рациональнее: специалисты привлекались, но вели раненых и отвечали за них анестезиологи.

Нужно сказать, что здесь многое напоминает Кабул, Афганистан, войну. Та же массовость трагедии народа,

чудовищность и бессмысленность потерь, сходство проблематики травмы (политравма) и осложняющей ее патологии внутренних органов, психологический стресс, возможность привлечения и использования опыта организации хирургической и терапевтической помощи, опыта эвакуации раненых авиационным транспортом с использованием, в сущности, одних и тех же самолетов («Спасатель», «Скальпель»), даже просчеты те же (доминанта помощи центральных учреждений, недостаток кадров и аппаратуры). Люди – те же: Костюк, Косачёв, Лизанец, Ф. И. Комаров, Э. А. Нечаев. Даже медслужба «Спасателя» – та же.

В госпитале нашел меня, как когда-то нашел в Кабуле, врач самолета для перевозки раненых капитан Петров, наш выпускник. Сходством в проблеме межнациональной розни, пронизывающей здесь все. В причудливом сочетании повсеместного мародерства и самоотверженной работы людей. Конечно, если это– и Афганистан, то свой, «домашний», но от этого только горше. Неужели и опыт организации медицинской помощи в Армении будет также бездарно утрачен, как это случилось с афганским опытом?!

По радио сообщают о стычках вооруженных групп армян и азербайджанцев на границе. Трагедия в горах не отрезвила многих. Идут на провокации. Комитет «Карабах» заявил: «Все равно мы заставим солдат стрелять в народ».

Днем забежал к себе «домой», в Институт курортологии. Разговорился с зав. гастрологическим отделением – канд. мед. наук, весьма агрессивно настроенной дамой. Судите сами: «Азербайджанцы режут детей… директор школы выкалывает глаза ребенку… 80 % азербайджанцев – варвары, прежде всего их академики… 7.12. – сразу после сообщения о землетрясении во все отделения связи, из Азербайджана пришли телеграммы с поздравлениями о землетрясении…» Что-нибудь возразить – невозможно, тут же становишься врагом. Какое непроходимое невежество! Правда, старичок-армянин, который всякий раз вежливо открывает стеклянные двери института, говорит, что все это (национальная драка) – дело тех, кто наверху, это им выгодно. Но это уже не кандидат наук, здесь просматривается классовое сознание.

Никак не могу угнаться за фактами, наблюдениями, собственными переживаниями, мыслями. Не могу понять чего-то главного – о народе армянском, о его трагедии, о политической и социальной ситуации здесь, о ценности интернационального вклада для него, об его собственном вкладе в происходящее сейчас восстановление – ничтожном в организационном и моральном отношениях. С одной стороны, глубокий траур,

неутешное горе, апатия, неверие в будущее – и это можно понять, а с другой – Ереван, кишащий богатыми, холеными, только на машинах, все время что-то везущих ящиками, тысячи людей не на работе. Наиболее трезвые из них говорят, что несчастье коснулось лишь тех, кто потерял родственников. Зато в зоне Спитак – Ленинакан местного населения, восстанавливающего разрушенное, почти нет. Женщин и детей вывезли, но ведь и мужчины ушли. Гнут спину запасники из России, умирают под панелями при расчистке, мерзнут, болеют, тоскуют по дому.

Больно, что горе, не обидно за труды, обидно только, что для многих здесь – горе «с маслом».

В госпитале полно посетителей – хоть и в трауре, но все же Новый год. Показывают кино. Работающие обычно по 10–12 ч врачи сегодня ушли пораньше. «Обещанного» землетрясения нет, зато стало известно, что 2 января приезжают начальник Центрального военно-медицинского управления Ф. И. Комаров и министр обороны Язов.

На ужин в столовую пришли только дежурная служба да я. Буфетчица угостила нас, чем могла, учитывая наше вынужденное одиночество, чем-то напомнив мне официантку Машеньку из Кабула.

Часов в 10 вечера вместе с хирургами вернулись в свое общежитие, договорившись встретиться этажом выше, в холле за новогодним столом.

Вздремнув часок, с кое-какими припасами, привезенными еще из Саратова, присоединился к небольшой компании, расположившейся у телевизора за столом. Ребята нашли шампанское, коньяк; медсестры и лаборантки поджарили в соседней кухне мясо… Послушали поздравления Михаила Сергеевича, вспомнили каждый своих. Подумал: как-то там сын в Азербайджане Новый год справляет? Коробов успокаивает:

«Все нормально – сидит с друзьями офицерами и водку пьет…» Очень возможно. Ненормально только, когда семьи в Саратове и в Минске сидят без отцов и мужей, и Новый год им не в радость.

Армяне этот Новый год провели в трауре; местное телевидение транслировало грустную скрипичную музыку; нянечка на этаже, поздравив нас, присоединиться отказалась, тихонько сидела и вязала.

Отпраздновав в тесном кругу, разбрелись по своим комнатам часа в три ночи. Погасил свет, вышел на лоджию. Морозец. Темный Ереван. Прямо передо мной на холме – шпиль, подсвеченный снизу, – памятник жертвам геноцида 1915 г., острый, как антенна, и печальный, как армянин.

1.01.1989 г. В 6 утра за мной прибежали: стало хуже майору с инфарктом. Действительно, были приступы сердечной астмы. Откорригировал терапию, посмотрел больных женщин.

Сегодня в госпитале рабочий день. Заведующие сидят за годовыми отчетами. И я последовательно продолжаю просматривать и продумывать истории болезни тех 100 больных, которых до меня успели отправить в центр, в другие больницы республики, в пансионаты или домой.

Дело необычное, может быть, уникальное: гарнизонный госпиталь в считанные двое-трое суток превратился по характеру патологии в специализированное учреждение, обязанное заниматься проблемами политравмы, синдрома длительного раздавливания, психоневрологической патологии, чрезвычайно разнообразной патологии внутренних органов у раненых. Так получилось, что прежде терапевты не принимали участия в оказании помощи пострадавшим от землетрясения и в изучении специфического поражения в этих обстоятельствах – СДР. Этих материалов не содержит мировая и отечественная литература. Именно это, подтверждаемое в конкретных наблюдениях, меня интересует в архивных данных.

Нужны панорамное видение проблемы и вместе с тем, цепкая конкретность наблюдений, чтобы обобщения были верными. Нужно, сколько бы это ни потребовало сил, увидеть, понять, продумать, запомнить, записать все, что армянская трагедия дала терапевтической науке. И без конкретных впечатлений о человеческих судьбах научное мышление не даст полной правды. Кажущаяся мультипликация однообразных, но закономерных патологических явлений (патология почек, сердца и легких, сроки ее развития, обусловленность шоком, токсемией, азотемией, взаимосвязь нарушений, объем обследования и лечения) дополнятся разнообразием и неповторимостью человеческой индивидуальности. Первое требует дела, второе – писателя.

В первом мне помогает мой прежний опыт работы в травматологической клинике Саратова и в Кабульском госпитале, понимание роли терапевта у постели раненого; во втором – врачебная наблюдательность и душевная рана, без которой невозможно уехать из Армении.

Перед самым моим приездом сюда в ВМА им. С. М. Кирова была переведена К. Оганесян, девушка 17 лет из Ленинакана. Поступила в железнодорожную больницу на вторые сутки. Из развалин освобождена спустя 6 ч. 11.12. переведена в военный госпиталь.

При поступлении состояние тяжелое, сердцебиение, низкое; давление, сознание спутанное. Пульс на правой бедренной

артерии отчетливый, конечность резко отечна, напряжена, в нижней трети голени – черного цвета. Моча коричневая, 150 мл за сутки. 10.12. ей по жизненным показаниям ампутировано правое бедро. В послеоперационном периоде, несмотря на интенсивную терапию, состояние не улучшилось. Реополиглюкин, гемодез, глюкоза, маннитол. Однако олигурия сохраняется и после ампутации (10.12. – только 150 мл). Применен гемодиализ (всего 6 сеансов). Нарастает анемия (с 3,6 млн. до 1,3 к 11.12). На фоне ОПН – азотемия, гиперкалиемия. 11.12. произведена реампутация. Позже удалось устранить острую почечную недостаточность. По-видимому, это типичный пример множества подобных.

Военнослужащий Н-й, 27 лет, житель Ленинакана. По его рассказу, 7.12. около 11.30. начал мыться в ванне у себя дома. Когда произошел первый толчок, жена вбежала в ванную комнату с тем, чтобы его предупредить. В это мгновение дом разрушился и оба они были придавлены обломками в ванной. У жены голова оказалась прижатой к груди так, что она вскоре умерла от удушья, а сам он, находясь рядом в маленьком пространстве, не мог даже пошевелиться. Спустя 14 часов был извлечен из завалов и с закрытой травмой живота и груди, повреждением правой доли печени, внутрибрюшинным кровотечением, гемотораксом, шоком III ст. был доставлен в Ереванский госпиталь.

Были проведены лапаротомия, релапаротомия в связи с непроходимостью кишечника и перитонитом. В связи с позиционным синдромом и явлениями почечной недостаточности применена гемосорбция. 26.12. переведен в ВМА им. С. М. Кирова. Нужно сказать, что политравма, подобная данному наблюдению, в условиях армянского землетрясения наблюдалась в 4 раза чаще, чем в мирное время, и в 2 раза чаще, чем при минно-взрывной травме в Афганистане.

Кстати, военнослужащие и члены их семей, поступившие в госпиталь из зоны, не превышали 15 % от всех поступивших, то есть госпиталь работал как рядовой стационар города.

Немало наблюдений связано с психологической травмой. Несколько примеров.

Колесникова, 50 лет, из Ленинакана. Ушиб головы, истерическая реакция. Гипертензионный острый синдром. Поступила 10.12. Головные боли, комок в горле, подавленность, растерянность, мышечная ригидность. Требует к себе особого отношения, диктует тактику поведения врачам. Когда произошло землетрясение, пережила сильное потрясение. Позже часами бродила по улицам разрушенного города в растерянности и в страхе ожидания повторного землетрясения. 24.12. была

выписана. -

Известен случай: один из спасателей сунул руку по локоть в расщелину и в этот момент кто-то там молча схватил его за ладонь. Спасатель испугался так, что целый час не мог говорить и только плакал.

Логинова, 37 лет, из Ленинакана, жена военнослужащего. В госпитале с 10.12. вместе с дочкой. Травмы не было. Диагноз: невротическая реакция. Беспокоит чувство тревоги, подавленное состояние, растерянность, бессонница, зуд кожных покровов. Мучают навязчивые воспоминания о случившемся. В 11.45. (7.12.) находилась на улице. Вдруг закачалась земля, на глазах стали рушиться многоэтажные дома. В одном из них находилась ее 10-летняя дочь. Когда подбежала к дому, на месте 9-этажного здания увидела кучу бетона. Стала метаться, кричать, звать на помощь. Вскоре кто-то сказал ей, что слышал где-то рядом голос ее дочери, доносящийся из-под земли. Не верила этому, пока не увидела ног дочери, торчащих из обломков. Туловище и голова были засыпаны. Узнала дочь по колготкам. Через час дочь откопали. Сама она сидела с ней рядом, обессиленная. Долго не решалась взглянуть на дочь, думала, что она изуродована…

Психологический стресс – виновник многих острых соматических заболеваний: приступов бронхиальной астмы, гипертензивных кризов, язвенной болезни, сахарного диабета.

Только что в реанимационное отделение поступил солдат «отпускник». Ездил в Спитак поклониться могилам, помочь оставшимся в живых и вдруг ослаб, появилась резкая жажда… Обратились в госпиталь. Было невероятно, чтобы за сутки можно было выпить до 8 литров жидкости. Симулянт? Хватило ума положить. Посмотрели мочу – ацетон (+ + +). Еще немного – и началась бы диабетическая кома. Пришлось назначить инсулин, щелочи. Прибывший эндокринолог из какого-то республиканского центра подтвердил диагноз и откорригировал терапию.

В ординаторской неврологического отделения – спор с врачом-армянкой, маленькой уставшей женщиной с грустными глазами. Спор на уже традиционную тему: где грань национального и националистического в народном движении, охватившем Армению. Абсолютная вера в порядочность лидеров «Карабаха». На тебя смотрят как на ребенка, словно зная какую-то тайну. «Он (такой-то…) не мог сказать, что мы заставим солдат стрелять в народ, он не мог!» И здесь же совершенно некритичное суждение: «Все азербайджанцы – звери, варвары, тупые и т. д.». Реминесцепции по поводу некогда Великой Армении – от Средиземного моря до Дагестана, включавшей Арцыз (Карабах). В

прошлом видят – будущее… Может быть, это и не национализм, но тогда это – болезнь, которую надо лечить социальными категориями, да некому.

Улица Киевян; застроенная высокими массивными домами из потемневшего туфа, напоминает мне Бабушкин взвоз в Саратове – этакий крутой спуск к Волге, только в десять раз шире и длиннее. Поток машин бежит по ней вниз. Интересно, что на больших улицах на больших расстояниях нет переходов. ГАИ – беспомощно, так плотен поток машин. Пешеходы, рискуя, перебегают… А старику или больному не перейти, нужно обходить целый квартал. Массовый городской эгоизм…

Гора Арарат на юго-запад от Еревана, километрах в пятнадцати. В хорошую погоду она хорошо видна, во всяком случае, из моей лоджии. Силуэт ее то четкий, как графика, то далекий и темный, то залитый солнцем, белоснежный, с бороздками ущелий, складок и лесов, а то и вовсе как завалившееся животное, покрытое толстым мохнатым одеялом из облаков.

2.01. Унылая однообразная жизнь госпиталя. Обход. Вчерашним моим больным, в том числе солдату с сахарным диабетом, стало получше, но полезно подержать их в реанимационной – там побольше порядка. А женщин с ампутациями возвращают в палаты, опасность миновала.

Работа с больными армянами представляет подчас значительные трудности. Прежде всего, это языковый барьер, хотя большинство неплохо говорит по-русски. Во-вторых, это обычаи. В-третьих, это почти обязательное участие родственников (не больные, а родственные корпорации). Были случаи, когда по национальным соображениям невозможно было вовремя произвести ампутацию конечности в безнадежном состоянии, никакие уговоры не помогали.

Больная Гюльбахарян, 20 лет, 8.12., доставленная из Ленинакана (была завалена стеной дома и извлечена через 36 ч. с ушибом стоп, лица, ранениями мягких тканей тела), уже 9.12. была, как записано в истории болезни, «украдена из отделения родственниками».

Вот и сегодня на узлах сидит дед, который с 31.12 отказывается ехать в пансионат, хотя делать ему в госпитале нечего и дома своего у него нет. Кормят его регулярно.

Долгий нескончаемый траурный поезд. Дни и недели траура. Но даже безногие пострадавшие нет-нет да улыбнутся. Раньше отошли дети, позже старики, еще позже среднее поколение. Вот и родители солдата Симоняна благодарно улыбаются – поправляется сынок.

Поехали встречать Ф. И. Комарова и генерала Перепелкина

(главный эпидемиолог). Наступает новая фаза в деятельности войск, размещенных в зоне и в жизни самой зоны. Наибольшую опасность теперь, особенно в предвидении весны, приобретает возможное ухудшение эпидемиологической обстановки. Может быть, удастся съездить в зону вместе с ними.

Ф. И. Комаров приехал и сразу прошел в приготовленный ему номер в госпитале. А Перепелкин после обеда едет в Ленинакан. Договорились с С. Б. Коробовым, что я поеду в Ленинакан на уазике с генералом Перепелкиным и начальником СЭО Ленинакана, а утром меня отвезут в Спитак с тем, чтобы поработать в военно-полевом госпитале и вернуться к вечеру в Ереван вместе с Ф. И. Комаровым.

Короткие сборы, и мы едем. Догоняем солнце, за Аштараком – поворот на Ленинакан. Здесь чуть дальше, чем в Спитак, а может быть, так показалось. Камни и виноградники под снегом. На обочине – памятники солдатам Великой Отечественной войны, древние храмы. Быстро темнеет. В город въезжаем в полной тьме. Свет фар вырывает из тьмы груды мусора вдоль дороги. Перед въездом – пост милиции, машины останавливают. Милиционеры хорошо экипированы – в валенках и рукавицах. Свободные от работы сидят вокруг костра. Далее – жуткая картина обрушившихся, скрюченных, без стекол домов или того, что от них осталось. Обзора нет, отдельные фрагменты. Объезжаем бугры, нагромождения камней. Людей практически нет. Темно, как в подполе. Кое-где, чаще низко, почти на уровне дороги теплятся огоньки – свечи в отдельно сохранившихся, чаще одноэтажных, старой постройки, домах. Жизнь едва тлеет. Говорят, что профиль дорог и поверхности городов Северной Армении существенно изменился: Спитак поднялся на 1 м, Ленинакан – на 0,5 м. Этот процесс не завершен, идут толчки от 2 до 6 баллов. Это будет сдерживать строительство.

Подъезжаем к СЭО. Перепелкин выходит, его ждут и встречают горячим самоваром, все знают – это его демократическая слабость. Но сейчас это вполне уместно. А меня везут дальше – в старую часть госпиталя, оставшуюся не разрушенной. Это недалеко, но в потемках попробуй найди.

Госпиталь размещен в старом здании, постройки 1834 г., которое хоть и подпрыгнуло, но вполне устояло. К нему примыкают барачного типа палатки, в которых развернуты инфекционное отделение и персонал госпиталя. В окнах неяркий свет – работает движок.

В ординаторской полно врачей. Уходить-то особенно некуда. Многие в утепленных куртках, Встретили тепло, охотно делясь пережитым.

Мне было интересно все, но особенно та реальная картина, которая возникла здесь сразу после землетрясения и по ходу работы. И их общими усилиями мой интерес был удовлетворен. Картина страшная.

Следует сказать, что госпиталь, основная часть которого находилась в крепости (новые здания), и медсанбат были полностью разрушены. В городе сохранилась и продолжала работать лишь одна из больниц, поэтому на персонал госпиталя пришлась большая, если не сказать основная, нагрузка по организации и оказанию медицинской, в том числе квалифицированной помощи. Привожу короткие выдержки из их рассказов.

«7.12. Был теплый солнечный день, и позже стояла удивительно теплая погода для этого времени года. Это и спасло многие жизни. Все рухнуло в один миг, как в кино про войну… Плиты домов рассыпались, как труха… Гибель носила массовый характер. Погибло в два раза больше, чем об этом сообщают. 8–9.12., трупы валялись возле развалин и дорог. Не в чем и некому было хоронить. Гробы стали завозить из Еревана только 10–11.12. Трупы валялись и на кладбище – без головы, без ног. Если бы не военные, никто бы их не убрал. Из числа тех, кто умер в Ленинаканском госпитале, где велась хирургическая работа, 13 трупов никто из родных так и не забрал. В рухнувшем госпитале погибло 8 больных и 3 медсестры, 2 молоденькие, поработавшие всего по 0,5 года, а 1 – фронтовичка. Все они выскочили из палат и погибли под лестничными пролетами. Остались бы, может, были бы живы».

Начальник терапевтического отделения Ф. М. Калиновский, подвижный, любознательный, разговорчивый человек, вспоминает: «После первого толчка я машинально бросился к окну и выскочил наружу. Прижался к стене здания. Первая мысль о детях – они у меня в школе. Бросился к ним, забыв обо всем. Все бросились – кто к домам, кто к школе, кто в детсадик. Добежал минут за десять. Школа разрушена… но, слава богу, мои стоят. Старший выскочил, сбегал еще раз, прежде чем рухнула школа, и вывел сестренку. Только отведя их домой, я вспомнил о брошенном отделении. Но так было со всеми. Спасая своих, спасали «чужих».

«Каждый как-то пострадал. У кого-то семья погибла, у кого-то чудом осталась целой, но завалило жилье, некуда было деться. Начальник медицинского Депо потерял дочь и обезумел, долго не могли его найти, иначе раньше можно было бы получить палатки, имущество и развернуть работу. Через час поставили первую палатку и начали принимать раненых. Хирург уже у

операционного стола обнаружил, что работает в тапочках. Офицеры разрывались между работой и детьми. Семьи, оставшиеся без крова, разместили в палатках. Дети в палатках, холод, плач и стоны. Раздавали солдатскую пищу самым маленьким».

«Условия работы оказались особенно тяжелыми во второй половине 7.12. и в ночь на восьмое, так как не было освещения, недоставало растворов и стерильного материала, только складывалось взаимодействие коллектива, оказавшегося в экстремальной обстановке, сказывалось испытанное потрясение. Ночью работа шла при свете костров и автомобильных фар, а в операционной – при свечах. Отчаявшиеся родственники тащили к операционным столам своих раненых, несмотря на проведенную сортировку, с ножами набрасывались на хирургов, требуя оперировать умирающих. Диагностика повреждений и тем более состояния внутренних органов была затруднена (холод, невозможность раздеть раненых, скученность, нехватка медперсонала). Распознавание шока основывалось на констатации частого нитевидного пульса, холодного липкого пота и общей заторможенности раненого («засунул руку под фуфайку – холодный пот и скрип, значит, шок и подкожная эмфизема, что осложняет торакальную травму»)».

«Функции персонала бывшего терапевтического отделения складывались стихийно, исходя из обстановки. Врачи развертывали и оборудовали палатки, осматривали поступающих, участвовали в их сортировке, в определении показаний и противопоказаний к операциям, подготавливали пострадавших и прооперированных к эвакуации. У одной из хирургических сестер задавило ребенка дома, и он не был извлечен, но она не покинула операционную».

«8.12. Удалось развернуть дополнительные операционные, обеспечить возможности трансфузионной терапии. К вечеру этого дня госпиталь был усилен группой хирургов из Центра, однако и в последующем объем работы оставался большим. Наибольшие трудности были связаны с эвакуацией раненых, так как дорога в аэропорт была забита личным автотранспортом. В обычное время для этого нужно было 8—10 мин, здесь же дело затягивалось на 2–3 ч. Бывало, что до самолета уже живыми не довозили».

«Утомление людей было столь велико, что ходили как заведенные, ничего не замечая, кроме конкретного дела, снизилась память, упало зрение (усталость аккомодации)», – дополняет рассказ невропатолог.

«Спустя 3–5 дней стало легче. Раненых доставляли уже единичными. Привели в порядок имущество, оставшееся целым.

Перевели госпиталь в старое здание, в котором сейчас и находимся. Отправили семьи в Союз, к родственникам. Но многие остались – ютятся по углам. И сейчас еще с риском для жизни лазим в разрушенные дома, собираем сохранившуюся мебель, посуду, бельишко…»

Последствия разрушений в Ленинакане внешне более страшны, чем в Спитаке. Ленинакан – второй город Армении по численности населения. «Коробки» упали, уйдя в землю, от махины оставался бугор арматуры и цемента. Первое время местная власть не функционировала, господствовали хаос, безумие и частная инициатива.

Рухнул и родильный дом, остались в живых трое младенцев. Интересен случай: женщину выписывали в это утро из роддома. Она вышла к телефонному автомату во двор и позвонила мужу, чтобы приезжал и забирал ее с малышом. Поскольку тот не приезжал, она забрала ребенка и вышла. Села на скамейку, ждет. Подъезжает машина, выскакивают радостные муж, старшие дети, и в этот момент вслед за толчком на их глазах рушится здание роддома. Это – как судьба.

«На обрыве 4-го этажа свесилось детское тельце, ножки были зажаты упавшей плитой. Долго висело. Как снимешь?!»

«Мужчину придавило на 6-м этаже дома, лестничные пролёты которого обвалились. Кричал несколько часов».

«16-этажный дом скрутило по спирали, но он не рухнул. Люди спустились по лестнице».

На второй-третий день откапывали довольно много людей живыми, в том числе маленьких, одного – трех лет. Они не помнили своего имени и фамилии. Но все просили найти их маму.

Здешняя милиция не сыграла никакой роли, порядок пришел только с десантниками. Мародеры ленинаканские и хлынувшие, как воронье, из Еревана уже в первую ночь все разграбили. Офицеры только к утру смогли оторваться от работы и сбегать к домам: все ценное (радиоаппаратура, кассеты, деньги, приличная одежда) уже исчезло. Вместе с тем люди сдавали даже рубли. Находили, по нашим понятиям, и клады-сбережения по 45–75 тыс. рублей, и нередко. Откуда такие деньги?

Широко муссировалась идея, что и само землетрясение – проделки азербайджанцев. Это подогревало ненависть. Был случай: азербайджанец, брат одного из медиков, и два русских офицера на «Жигулях» прорывались в Ереван. Машину остановили, окружили. Нашли в багажнике мертвого ребенка, на руках – умиравшую девочку. Азербайджанца убили бы, если бы не вооруженные офицеры.

Впрочем, звери не имеют национальности. Рассказали о таком случае. Девушка в квартире, лежит, придавленная плитой, и стонет. Сосед, не обращая на нее внимания, крадет ее вещи. Она умоляет спасти ее. Обшаривая углы, тот молча сталкивает на нее шкаф. Ее спасли-таки, и она рассказала что и где он брал. Через три дня умерла.

Хирург госпиталя – Юсибов, который в тапочках остался и оперировал, начиная с первого раненого, в палатке (кстати, саратовский выпускник). Лишь спустя три дня сумел отлучиться с территории госпиталя. На улице возле него остановилась легковая машина, и из нее вышли двое бородатых армян, хорошо одетых, с холеными руками и, подойдя к нему, сказали: «Мы знаем, что ты помогал нашему народу, оперировал и спасал наших детей, мы благодарны тебе, но, к несчастью, ты азербайджанец, враг наш, и мы вынуждены тебя убить. Даем тебе месяц, 7.01. или тебя здесь не будет, или расстанешься с жизнью. Каждые пять дней мы будем напоминать тебе об этом». Сели в машину и уехали. Все делалось в открытую. Через 5 дней прибежал мальчик, передал записку-напоминание, спустя еще 5 дней – другую. Доложили по команде в округ. Ждем решения, сегодня 2.01.—остается 5 дней… Пещерный, изощренный национализм.

В ходе разговора в ординаторскую скромно вошел небольшого роста подполковник медицинской службы в бушлате и фуражке. Все встали, а мне шепнули: «Это Нигматуллин, начальник госпиталя, он саратовский факультет кончал…»

Подошел, сухо поздоровался. Я ему говорю: «А ведь вы – мой выпускник». Он отвечает недоверчиво: «Нет-нет». «Да точно», – говорю я. Снял с его головы фуражку – разве что полысел немного. Смотрю, начинает растерянно улыбаться, признал. Он закончил факультет в 1971 г., а я тогда был в их взводе куратором. 17 лет прошло!

Посидели немного и с терапевтом Феликсом Михайловичем Калиновским поднялись на второй этаж – смотреть больных. Их у него – 13 (солдаты из частей, запасники из полков гражданской обороны, участвующих здесь в восстановительных работах). Литовец, эстонец, латыш, украинец, остальные – русские. У одного – бензиновая пневмония. Поначалу был тяжелым, сейчас поправляется. У другого – первичный яркий клинически суставной ревматизм, у остальных – бронхит, ангина… В палате более или менее тепло. В коридоре порядок, есть ЭКГ-аппарат, рентгеновский аппарат («молчит»), слабенькая лаборатория.

Спустились, и начальник госпиталя пригласил меня, на ужин. Ужинали прямо на кухне. По-моему, я и дома не едал такой

вкусной жареной картошки. Вспомнили Саратов, факультет. Поварихи – женщины из Воронежа и Краснодара. Их жилье здесь погибло. Съездили домой, на родину, отвезли детей и вернулись. Мужья на стройке. Живут в палатках, где все жизнеобеспечение на плечах солдат. Не унывают. Сам Нигматуллин живет в доме у своего шофера. Его дом в таком состоянии, что в нем жить нельзя. Сейчас жена приехала из Саратова, складывают вещи, которые еще не украли, в контейнеры, ждут оказии для отправки. Так делают многие.

За трапезой рассказывают местные грустные анекдоты. Когда случилось землетрясение и люди оказались в каменных мешках, кое-кто подумал, что все это результат атомной бомбардировки… Немецкие спасатели добрались до подвала, переговариваясь по-немецки. Из подвала выползает дед и молча поднимает руки вверх. Еще одного вызволили из каморки, где он прожил бы до весны, окруженный банками с компотами, вареньями и соленьями… «Камни спрашивают: «Камни-камни, ну что же вы подкачали? Виноваты, – отвечают. Песок-песок, ну что же ты? Виноват, – отвечает песок. Цемент-цемент, ну как же так? Шутить изволите! Меня там не было!» Не было там не только цемента, не было нужного качества арматуры, сварки, а главное – рабочей совести.

Для ночевки выделили мне кабинет начальника. Вышел во двор. Темнющая ночь, звезды, просматриваются громады палаток, заборы. Где-то воет собака. Мороз под —20°, а туалет – на улице, среди замерзшего бурьяна. Петушком долго не высидишь.

Лег на диван. Стены в глубоких трещинах, между стеной и потолком – щель в 3 см. Хоть и стоит этот домина с 1834 г., страшновато спать под таким потолком впервые в жизни испытываю это чувство.

Утром быстрый подъем. Чай. Ожидание машины. Ещё один осмотр диагностических кабинетов госпиталя. Интересная особенность: подмечено, что на фоне (или вследствие?) пережитого стресса, несмотря на лишения, трудности размещения, скученность, в которых живут военнослужащие в зоне, общая заболеваемость снизилась в 5 раз по сравнению с аналогичным периодом 1987 г. Вспомнилась история: та же закономерность была отмечена в годы Великой Отечественной войны. Это проблема напряжения, мобилизации резервов. Но палка о двух концах: напряжение сменится расслаблением и природа возьмет реванш. Это надо предвидеть.

Познакомили меня с замполитом госпиталя. Он, собственно, как и все здесь, пережил первые сутки трагедии. Полностью погибли квартира и добро, были какие-то неясности с семьей,

хотя потом все они нашлись. Но он очень болезненно это пережил, произошел длительный срыв. Все эти четыре недели он… плачет. Работает и плачет. Семью отправил в Уфу, там их великолепно приняли, как пострадавшим немедленно выделили 3-комнатную квартиру. Он прошел освидетельствование и ждет приказа на увольнение из армии, Казалось бы, все позади, но нервная система кровоточит…«Не зарастет на сердце рана…»

Сидит он в комнате, где сложены книги из библиотеки госпиталя. Бережет их. Охраняет он и пайки, которые пока что выдаются военнослужащим. Говорит, что подписные издания были украдены в первую же ночь, а библиотекарша наутро же уволилась.

Рассказывает, что госпитали МО собирают деньги для пострадавших в Ленинаканском госпитале. 5000 руб.; у кого погибла семья, 500 руб. – у кого пропало: жилье, 50 руб. – остальным.

Наконец, приехал Нигматуллин, оказывается, ночью прихватило мотор. Прощаюсь. Едем в гарнизонную столовую.

Солнце заливает город, а вернее, его руины. Девятиэтажки упали, как провалились сквозь землю. Гора щебня высотой в 3–5 м – все, что осталось. Словно торт «бизе», взял в рот, хрустнуло и превратилось в каплю. Некоторые высотные дома не упали, а. скрутились, как при приступе радикулита, и наклонились, как вавилонские башни.

Мимо бегут дома с сохранившимися стенами и пустой серединой. Окна в них просвечивают насквозь. Говорят, что от Ленинакана остался район Гюмри – старый город, новый разрушен.

Фабрики в городе не работают, так как разрушены. Но сотрудники приходят, отмечаются и… уходят. Зарплата идет. На восстановительных работах в котлованах под новые дома работает в основном приезжий люд. Армяне толпятся, наполняют открывшийся базар, голосуют на дорогах.

Работает столовая. Столики. Горячая пища. Официанты. Цены кусаются. Бесплатный, пайковый период подходит к концу. Встретились здесь с заместителем командующего ЗакВО по тылу, с П. П. Коротких, с рядом других высокопоставленных военных. Здесь же генерал Фролов – начмед Управления гражданской обороны (ГО) страны, главный терапевт округа подполковник Конаков. Пока все не собрались, греемся на завалинке. Предстоит поездка в Спитак.

Едем через город. За ним – шоссе, протянувшееся вдоль извилистой незамерзающей речки, проложившей себе глубокое русло среди снега и камней. Дорога забита встречным

транспортом: везут моторы, движки, домики на трейлерах.

Дорога – неблизкая, около 50 км. Конаков рассказывает о межнациональных трудностях. В Северной Армении немало азербайджанских сел. Сейчас они в блокаде. Отрезано все – свет, хлеб, вода. Вчерашний «друг»-сосед, председатель сельского совета, азербайджанец, отказывается сесть в армянский автобус, есть армянский хлеб. Люди уходят в Азербайджан, угоняют скот. Кому это выгодно? Демократией раньше здоровых сил воспользовались те, кто дал команду направить КамАЗ на строй солдат в Кировабаде накануне землетрясения. Поганки растут быстрее благородных грибов. Чем примитивнее организация, чем больше она ориентирована на – потребление, тем экспансивнее ее рост. В этом преимущество паразитов, они освобождены от созидания. Это показал фашизм, это подтверждает экстремизм, рожденный на волне перестройки и способный лишь на разрушение.

В Спитаке за неделю, что я здесь не был, мало что изменилось. Погибший город. Вывозят развалины. Очищены котлованы для нескольких домов. Потихоньку подрывают элеватор. Сразу взорвать его не дают местные рабочие, по их расчету – внутри должно быть еще четыре трупа, а в городе трупы уже не ищут. Их или их смерзшиеся части обнаруживают попутно, при разборке завалов. Находят одежду, документы, семейные архивы, ценности. Кладбище увеличилось более чем вдвое.

Проезжаем мимо одного из полуразрушенных домов; На 4-м этаже на стене, открытые всем ветрам, висят часы. Стрелки показывают 11.45… А кажется, что маятник тихо скрипит: «Спи так, спи так, спи так…»

Для восстановительных работ призваны офицеры и солдаты запаса. Саратовский, Тбилисский, Ереванский полки ГО, формирования из других регионов страны и, конечно, силы Закавказского военного округа. Тбилисский полк стал бастовать: плохо кормят, нет условий (нормального жилья, воды и пр.), призвали на две недели, а сидят уже четыре и т. д. Ереванский молча разошелся, будто бы в связи с Новым-годом. И теперь их нет. Русские полки еще держатся, и на них все здесь держится. Рабочие – заросшие, грязные, неделями не видящие горячей воды. Сухие пайки. Нет овощей, нет лука, нет чеснока. Одна радость – в перерывах или после работы посидеть у костра или у печки. Болеют многие: обостряются старые болезни – язвенная, гипертоническая, астма (у многих удушье развивается от пыли при расчистке завалов), возникают новые, особенно простудные, с болезнями зубов что делать – не дома же. Ропщут люди справедливо, тем более чувствуя и видя каждый день армянский

«героизм».

Есть явное противоречие между словом и делом: вроде бы, судя по телевидению, вся страна, а на деле – усилия гражданской обороны и округа, личный состав которого к тому же собираются сокращать. Конечно, здесь кладбище Армении, кому охота убирать собственное кладбище, но невольно здесь, на обдуваемых холодными ветрами склонах, вспоминаются ереванские улицы, заполненные сотнями богатеньких торгашей и бездельников, поющих гимн армянскому «единству» и исключительности. МЗ Армянской ССР тоже лишь изображает работу. Работать в условиях, где нельзя заработать, не хотят и не умеют.

Ложь утверждений о патриотизме, о высокой, утонченной культуре и нравственности, якобы не сравнимой с культурой и нравственностью соседних мусульман, особенно очевидна здесь, у развалин Спитака, в холодный январь 1989 г. Нет широты души. Даже то бесспорное милосердие, которым страна в едином порыве согрела Армению, то доброе, за которое кланяются, тут же обрастает двусмысленностью, недосказанностью, слухами. Если детей вывозят, то значит – утечка мозгов в Россию взамен русских потенциальных алкоголиков. Если Горбачев приехал в Армению (декабрь), то потому, что он зарабатывает политический капитал на армянском несчастье и т. д. Умничанье, стремление оболгать простоту души.

В горах, чуть дальше Спитака, – эпицентр землетрясения, место разлома скальных пород. Когда рухнули крупные оборонные склады в Спитаке, в Налбанде, уже на следующий день – какая осведомленность! – толпы бородатых пошли штурмом грабить добро. Десантники отстояли. И вновь откровенный бандитизм объяснили тем, что армяне требовали «свое», а ведь там – общероссийское добро.

Приехали в госпиталь. Над палатками вертикально поднимаются дымки. В приемном отделении – та же жаркая печка и идет прием. Толпится народ, в том числе рабочие с элеватора. В палатах – больные, которых немного. Лаборатория довольно хорошо оснащена, начальник– призванный из запаса биохимик из Ростова. Посидели с терапевтом Бучинским в палате интенсивной терапии, попили чаю. Все ждут приезда Фёдора Ивановича из Еревана с совещания у министра обороны.

Когда сидели в палатке, произошло землетрясение. Стул, на котором я сидел, вдруг стал приплясывать и покачиваться как на мягких рессорах – вверх-вниз, вверх-вниз. Закачалась палатка. Я не сразу понял, что происходит, но ощущение было приятным и вызывало удивление. Когда подпрыгивание окончилось, палатка еще продолжала раскачиваться по инерции. Бучинский буднично

пояснил: «Три балла». Здесь к этому привыкли. За декабрь произошли тысячи таких небольших толчков. Ждут повторного сильного землетрясения (6–7 баллов) в этом же районе 4–7 января.

Спитак – солнечная долина. Прелесть, а не местечко… рядом с тысячью могил. Из-за опасности повторных сильных землетрясений Спитаку ищут новое место поблизости.

Прибыли Комаров и Коробов. Их окружили офицеры и генералы. Все в куртках, толстых брюках и валенках. Начальник госпиталя дал пояснения, рассказал о нуждах. Госпиталю еще работать, несмотря на все трудности палаточной жизни в горах зимой, он – единственное квалифицированное лечебное учреждение в городе, на него замыкается не только армия, запасники, но и население, в том числе ближайшах сел. Однако в перспективе – строительство норвежского (?) госпиталя, и пришло время выбирать место для нашего госпиталя «под крышей» в соседнем Кировакане, с тем чтобы оставить здесь поликлинику с 20-коечным лазаретом для дифференциальной диагностики.

Насущная проблема сейчас – это возможность дополнительного отепления палаток. Переходя от палатки к палатке (я уже продрог на ветру в шинели и в ботинках), пять генералов глубокомысленно обсуждают различные технические решения вопроса, исходя из своего опыта. Но, как ни крути, что ты сделаешь в горах. Самое эффективное – это добросовестный солдат-истопник. Один солдат – одна печка.

Затем генералы уехали в Кировакан решать вопрос с местным начальством о размещении госпиталя. А я еще долго бродил от палатки к палатке, грелся в приемном, слушая рассказы людей, больных, женщин из города, рабочих с элеватора. Время перевалило за три часа, несмотря на солнце, вдруг поднялся ветер с гор – предвестник землетрясения. Пообедал в столовой. Особенно вкусным был горячий кисель с белым хлебом. Да, приехать сюда и уехать, это еще ничего, хотя, скажем, Федору Ивановичу в его 68 лет это тяжело. А жить здесь – страшновато. Вспомнил слова здешнего главного терапевта Конакова, сказанные мне по дороге в Спитак: «Три дня на Кавказе – ода, три месяца– три строчки, три года – ни звука».

Возвратилась из Кировакана «Волга». Позвали меня, попрощались с госпитальными и поехали в Ереван. Комаров больше молчал, чувствовалось утомление. Раздал нам и шоферу по леденцу и сам с удовольствием его схрупал. На перевале вышли размяться. Мороз. Снег белый, твердый наст. Солнце склонилось в голубом небе. Вдали – двугорбый Арарат. С. Б.

Коробов притулился и заснул, подремывал и Комаров. Чувствовалась какая-то отдаленность, видимо связанная с его усталостью. Но очевидно было, что человек он простой, внимательный к людям. Побеспокоился, когда садились в машину, пообедал ли я, по дороге выслушал мои соображения об особенностях внутренней патологии при травме и СДР у пострадавших. Короткий одобряющий отклик, быстрая и деятельная реакция. «Работайте по своему плану, главное – быстрее обобщайте накопленные наблюдения».

Эта поездка в Ленинакан и Спитак позволила многое увидеть. В госпитале – обычная жизнь, успели к ужину. Вечером возвратился в номер, а на стуле презент: бутылка коньяка, персики, груши и жареная курица. И записка с благодарностью от родителей солдата Симоняна. Курицу я отдал дежурной по этажу – седой старухе. А фрукты отведал.

4.01. Симонян поправляется. Мама его – сияет. Пришлось поругать ее и поблагодарить. А в ответ подарить экземпляр собственной книжки, изданной в Саратове, с надписью: «Маме солдата Симоняна с пожеланиями благополучия личного, семейного, национального и интернационального».

Сосед его – Назаретян, 25 лет, без ноги, удивительно красивый армянский юноша (он похудел и выглядит юно). Оказывается, он инженер. Пока его откопали, ребенок, который был у него на руках, уже умер. У него держатся фантомные боли, но он терпелив и скромен в своих требованиях. Ходит на костылях. Когда вхожу в палату, непременно приветливо улыбнется. И я ему. Возле него, мне кажется, я становлюсь добрее. Он как бы говорит мне: «Не сердись, не судите нас строго, мы разные, в семье не без урода».

В разговорах с армянами, в госпитале, на остановке, в очереди – везде один мотив: «Нет радости, и, если нет слез и рыданий, все равно сердце разрывается. Армения истощена». Да, горе нескончаемо. Смерть и боль уступают место долговременным страданиям искалеченных, шествию армии калек. Природная, генетически заложенная в этом народе печаль пополнилась новой порцией горя. И помнить ее будут так же ярко, как 5–7 других важнейших событий в жизни армян за 2000-летнюю историю народа. И все же: народ, смотрящий в прошлое, не имеет будущего. Хотелось бы прочесть армянских писателей и поэтов. Хотелось бы прикоснуться к вечному этого народа, а не к той мутной воде, в которой ищут дивиденды современное ворье и националисты.

Пошел в библиотеку. Но в Ереванском военном госпитале не оказалось ни одной книжки армянских авторов – ни в оригинале,

ни переводной. И это в госпитале, где в обычное-то время всегда лежит до трех десятков солдат-армян. Какое недомыслие и политическая близорукость! Серия замполитов госпиталя прошла мимо интернационального воспитания! Чего же мы хотим?! Кто же мы сами, как не кичливые «иптернационалисты»-словоблуды?

Сегодня в Спитаке и его округе – землетрясение до 6 баллов, то, что ожидалось. Обрушился один из аварийных домов. О жертвах не говорилось. В зоне землетрясения – министр обороны Язов.

«Армения – страна с перебитым позвоночником, ей уже не встать», – сказал мне один из безногих, ожидающих протезирования. Что мне было ему ответить? Ему самому и вправду не встать. И тем не менее, несмотря на то, что в больницах Еревана лежат еще тысячи раненых, в Армении уже более актуальны межнациональные страсти. Девальвация остроты положения, яркое постепенно становится закулисным. Тысячи калек ощущают себя обузой для страны, для семьи, для себя. Стоит тихий стон. И этот стон уже не только от боли, не только от мучительных воспоминаний, но и от страха перед предстоящим забвением.

Наблюдая за больными (а в госпитале их уже менее 150), заканчивая обработку историй болезни, обращаю внимание и на эту сторону дела. 4–5—6-я недели после СДР – это особый период – дебют реабилитации, пока еще в основном физической и функциональной. Процесс этот хромает, спотыкаясь о залежи дистрофии органов, отсутствие резервов, дефекты ассимиляции, глубочайшие душевные раны. В последующем, когда раны зарастут, пострадавших ждут проблемы главным образом психологической и социальной реабилитации. Нужно детальнее осмыслить именно эти – следовые – реакции.

Еще до Нового года мне удалось дозвониться в Баку Мамедову Шахвеледу Агаевичу, начальнику военной кафедры Азербайджанского медицинского института, которого знал с 70-х гг. Рассказал ему про сына, про то, что тот в Баку, дал его координаты. А сегодня узнал, что Мамедов повидал Сергея и помог ему. Узнал, что в ночь на Новый год у того было очередное патрулирование. Новогодние темные улицы Баку освещались всполохами жаровен шашлычных и взрывами разноцветных ракет. К Сергею и солдатам подошел азербайджанец и подарил миску горячего плова и бутылку красного бакинского «Шампанского». Что было делать? На брата пришлось по 100 граммов с пузырями… Прав был в новогоднюю ночь полковник Коробов, успокаивавший меня рассуждением, что именно сейчас, когда мы пьем водку в Ереване, мой старший лейтенант делает это в Баку.

И все же подкатывалась тревога: как он там, на темных Бакинских улицах. У солдат автоматы, а магазины к ним – у него… «С любимыми не расставайтесь, с любимыми не расставайтесь….»

5.01. С утра еще одна поездка в больницу Эребуни, теперь уже на городском транспорте. В солнечный зимний день город кажется розовым с голубым… Как всегда, полно машин. Высокий Дом молодежи. Говорят; что ленинаканцы, слывущие в Армении остряками, в свое время окрестили его «кукурузным початком». Памятник Матери-Армении с мечом. Памятник Абовяну. Поэт очень похож на нашего Пушкина. Больница неуютная. Длиннющие, холодные, какие-то враждебные переходы. Владимир Иванович Кочаровец все еще трудится здесь, исследуя динамику микробной флоры ран и крови, иммунные сдвиги. Все это важно для понимания особенностей раневого процесса, в частности у ампутированных с гнойными осложнениями. Удивительно, но не наблюдалось случаев газовой гангрены, и сепсис был редок.

Повторил свой первый обход верхних этажей. Больных стало меньше, многих уже не увидел, в том числе «филолога», «шабашника»… Видимо, переведены для протезирования. А старый солдат с ампутированной стопой, поврежденной еще в годы войны, лежит на прежнем месте. Рядом с ним старуха в платочке. Улыбается щербатым ртом, считает, что скоро сделают протез… Позже я встретил ее в коридоре, прижавшейся к стене, в слезах. «Старик мой не знает, что сыну в другой больнице ногу по бедро отняли». Вот тебе и еще один удар приготовлен, солдат.

Отделение реанимации опустело, но неутомимый Эдик здесь. Сюзанна на том же месте – тоненькая, как свечечка. На мониторе. На бледном лице черные брови дугой. Спит. Ускользающая жизнь. Перевязывают больную с ампутацией бедра. Громадная красная кровоточащая рана на уровне ягодицы и пупартовой связки, из которой торчит кость. Тампонами и ножницами удаляют некротические ткани и гной. 29-й день после травмы, сколько же можно удалять. Ей на раневую поверхность накладывают особую пленку, пропитанную противомикробной смесью… Она поднимает голову, силясь увидеть, что делают хирурги. Громко стонет, срываясь на крик; «Ничего не осталось!»

Идем с Эдиком в палату, где лежал больной со столбняком. Тот поправляется. Лежит без аппарата искусственного дыхания. Рядом – родственники.

Напротив – пожилая женщина. Поступила из Кировакана 2 января. Эдик сердится и говорит, что здесь причина столбняка – дефект работы госпиталя. История этой женщины такова:

Меликян Соня Габр., 57 лет, из Спитака поступила в госпиталь 9.12. Во время землетрясения ее завалило

обрушившимся домом, при этом левая кисть была прижата горячей плитой. С диагнозом – инфицированный ожог левой кисти III б ст. находилась на лечении до 31.12. (и я мельком видел ее в одной из палат). 26.12. левая кисть была ампутирована. Выписана к родственникам в Кировакан. А три дня спустя в связи с ухудшением ее вновь направили в Ереван, на этот раз в больницу Эребуни, где был установлен диагноз столбняка (тризм, затруднение глотания). Применены лечебные сыворотки, но безуспешно. Сейчас ее состояние расценивалось как средней тяжести (отсутствовали дыхательные расстройства).

Было выяснено, что при поступлении в военный госпиталь противостолбнячный анатоксин ей введен не был. Было установлено также, что хирург – лечащий врач высказывал подозрение на столбняк еще в 20-х числах декабря, но не был поддержан невропатологом. Обратите внимание на его записи в истории болезни госпиталя:

«22.12. Жалобы на затруднение при открывании рта. Тризм жевательных мышц, ригидность затылочных мышц, фасцикуляции мышц в непосредственной близости от…» А заключение невропатолога: «Заболевания нет. Микстура Павлова».

«25.12. Жалобы на невозможность полного открывания рта. Объективно: поведение во время осмотра установочное, разговаривает со стиснутыми зубами, при отвлечении внимания открывает челюсти. Мышечный тонус хороший. Диагноз: истерическая реакция. Реланиум».

28.12. Та же констатация.

«30.12. Поведение установочное. Разговаривает сквозь стиснутые зубы. Выражен повышенный тонус, по просьбе расслабляется. Седуксен». Столбняк «стучался в дверь с табличкой «истерическая реакция».

В больнице Эребуни было четыре случая столбняка, в том числе и у этой женщины. Во всех случаях объем травмы был небольшим, но не вводился анатоксин. Возвращался из больницы Эребуни в переполненном автобусе. Вышел в центре, поравнявшись с уже немолодым армянином, изрядно небритым, в старом пальто, спросил, как пройти к метро. Он охотно разъяснил мне дорогу. Я не торопился, и некоторое время мы шли рядом. Оглядев мои погоны, он неожиданно спросил: «Как вы думаете, когда уберут танки с площадей города? И так горе у народа». – «Я – военный врач, – ответил я. – Вместе с другими приехал, оставив клинику, семью, чтобы лечить армян, пострадавших от землетрясения. Об этом я бы мог рассказать подробно». – «Спасибо, мы благодарны вам, простите, если я неудачно спросил». – «Почему неудачно? Давайте размышлять. Вам не

нужны танки, мне – тоже. Солдатам и офицерам целыми днями быть на людях, ночью на морозе, оторванными от родных мест, теплых казарм, нормальной пищи? Командирам быть в постоянном напряжении? Службе жечь бензин? Тоже не нужно. Получается – никому не нужно, а танки стоят, солдаты не спят. А сын мой – тоже военный врач – в Баку несет примерно такую же службу, а семья его в Белоруссии. Им ведь это тоже не нужно. Вы согласны со мной?» Мой попутчик, несколько удивленный тем, что с ним разговаривают спокойно, не навязывая своего мнения, соглашается. Я продолжаю: «Никому не нужно, а танки стоят. Я не знаю, когда они уйдут, но они стоят, – и, значит, это почему-то нужно? Видимо, дело сложнее, не только в желаниях ваших и моих. Вы – армяне – очень разные, как говорил поэт, «которые пролетарские (посмотрел на его одежду), а которые буржуазные». Я видел у вас страшно бедных детей и каждый день вижу страшно богатых взрослых. Быть страшно богатым в такой, несчастной стране, как нынешняя Армения, – значит быть вором». «Вы согласны со мной?» – спрашиваю его. «Да, мы разные», – соглашается он. «Ну вот, – говорю я, – выходя на площадь, где стоят бронетранспортеры, наверное, солдаты не против бедных детей, а против ворья, независимо от того, чье оно – армянское или азербайджанское? Именно ворью нужна мутная вода, чтобы оставаться страшно богатыми за ваш счет». «Давайте размышлять. Танки – временное, не популярное, случайное явление, расслоение общества на очень богатых и очень бедных, прикрываемое особенно интеллигенцией видимостью национального единства, – явление закономерное и тщательно охраняемое».

Не думаю, что я встретил единомышленника, но он согласился, что все это не просто и что размышлять – нужно. Вот такая встреча на ереванской улице. Правда, меня колотило потом часа два от моего «спокойствия», но, наверное, не следует уходить от разговоров на эти темы.

В госпитале все спокойно. Прибыли из Спитака совершенно замерзшие офицеры-микробиологи. Жили там с 13.12. Пережили еще одно сильное землетрясение – вчера. «Обычно в таких случаях резко усиливается ветер с гор и начинает изрядно и неприятно потряхивать. Определенная связь. Опасно и в палатках, могут полететь раскаленные печки и трубы».

Рассказывают о посещении министром и офицерами казармы в Степановане. В это время их и застали новые сильные толчки. Еле выбежали на улицу. Женщины вольнонаемные обращались к министру: трудно им, живут в палатках (отвезли детей и вернулись в части). С питанием плохо. Трудно в Армении не

только армянам. Комаров на совещании попросил у министра домики для госпиталя в Спитаке. Тот ответил: «Когда людям жить негде, армия как-нибудь должна перебиться». Так-то оно так…

Группа азербайджанцев, побросав имущество и теснимая толпой, в которой были и милиционеры, едва успела спрятаться на территории воинской части. Преследователи не унимались. Только прямое вмешательство министра обороны позволило прекратить травлю.

Микробиологи улетают сегодня в ночь.

6.01. Раннее утро. С лоджии слышно: распелись петухи. День тихий, солнечный, кисловодский.

Еду в предварительную кассу брать билеты на самолет. Пора уезжать, дела близятся к завершению.

Ереван – город на скальных террасах. Громадный дом, терраса, опять дом, опять терраса и ущелье метров на 30» в глубине которого течет неслышимый издалека бурный Раздан, не замерзающий и при температуре —20°.

В кассе народу полно. Все командированные, всем надо. Выстоял часа три. Удалось взять только на… 13-е, раньше не было. Все равно – вздох облегчения. Неделя работы – и к дому.

В реанимационной пусто. Уезжает на протезирование Назаретян. Больных из зоны становится все меньше – сегодня где-то около сорока. Госпиталь постепенно переходит на обычный режим работы. Продолжают атаковать приемный покой и начмеда «отпускники», которым не хочется уезжать в части. Всякого рода ходатаи оборвали телефоны.

Оставшиеся в госпитале армяне ведут себя нагло. Не дозвавшись сестры, бросают бутылки в стеклянную дверь… Говорить бесполезно, все на нервах.

Штаб постепенно пустеет. Целый месяц здесь толпились люди: из ЦВМУ, из госпиталя Бурденко, из ВМедА и округа. Приезжал генерал Фролов – начмед ГО. Совсем не начальственно и грустно сидел в кабинете. Рассказывал о совещании у Баталина (представитель Совмина). Здешние министры только просят. А как сделать, кем, где, сколько, когда, что уже сделано, что будет завтра, – этого они не знают. И на местах – больше выполняют роль зрителей. Приезжие рабочие им говорят, вы что, думаете, так за вас и будем все делать. Ходят все несчастные-несчастные, не забывая урвать, что только можно.

Расходы предстоят большие. Рождается первая государственная программа помощи пострадавшим районам. В Армении находится председатель Совета министров СССР Н.И.Рыжков. Чтобы заново построить медицинскую службу, нужно 835 млн. руб., из них половина в Ленинакане (2 больницы на

1300 мест каждая плюс прочее), в Кировакане – 1 больница на 1300 мест и прочее, в Спитаке – норвежский госпиталь на 250 мест. Оборудование для всего этого из Калифорнии от армян США.

Сегодня прибыл подполковник Звягинцев из ЦВМУ на смену С. Б. Коробову. Правильно, сейчас на первый план выходят вопросы эпидемиологические, а Звягинцев – эпидемиолог. Работа учреждений и жизнь самой зоны последовательно меняют окраску и содержание: вопросы реаниматологии и активной хирургии сменяются плановой лечебно-диагностической проблематикой, ей на смену приходят задачи реабилитации, профилактики инфекции… Определяет динамику работы учреждений, коллективов специалистов и групп усиления именно динамика патологии. Осмысливая опыт госпиталя – типового лечебного учреждения Еревана, – следует определить и научно доказать закономерную периодизацию деятельности любого подобного лечебного учреждения в условиях землетрясения и массового поступления пострадавших.

Сегодня улетели Ксенофонтов, Хоменко наш выпускник), завтра – Коробов. Убыл Перепелкин, прибыл генерал В. Г. Чвырёв – главный гигиенист СА. Люди уезжают, страшно обидно оставаться. Все-таки неуютно и страшновато здесь. Чужбина.
Вечером звонил Е. В. Гембицкому, делился впечатлениями, мыслями. Мне было сказано, что приобретенный опыт в значительной мере уникален для терапевтов и что никаких усилий жалеть не надо, чтобы его получить. Связался и с В. Т. Ивашкиным, отчитался. По его мнению, полученные наблюдения найдут место в статьях, а может быть, и, в книге, посвященной терапевтической помощи пострадавшим от землетрясения.

7.01. Сегодня ровно месяц, как разрушило Спитак и Ленинакан. В эти дни уходит из далекого Кабула центральный советский военный госпиталь.

Собрались сходить в музей истории Армении. Я, Звягинцев и Федоряченко. Этот интерес – не случаен. На многие вопросы сегодняшнего дня невозможно получить ответ сегодня, может быть, ответит прошлое.

Красивейшее здание на центральной площади. Площадь пустая, бронетранспортеры, солдаты в десантных куртках с автоматами. Пригласили пройти без билетов. Вышла экскурсовод – молодая худенькая женщина с грустными глазами и тихим голосом. По ее словам, это вторая экскурсия в музее за прошедший месяц. В залах – отдельные посетители, в их. числе трое солдат с румяными щеками. Они с БТР, стоящих рядом на площади возле памятника Ленину, зашли погреться, хотя, нужно

сказать, музей не отапливается.

Экскурсия была содержательной, экскурсовод очень подготовленный, манера беседы – убеждающая, эмоционально напряженная.

Коротко основные пункты беседы: вопросы материальной культуры древней Армении, этнос, история за последние 3,5 тыс. лет, государство Урарту, раннее армянское государство, его распад, но сохранение единства народа, попытки объединения. Роль грегорианской церкви. Армянская письменность, язык, объединивший нацию. Русско-турецкие войны. Утрата Западной Армении. Акты геноцида в 19 в., в 1915 г., когда за несколько суток были вырезаны 2 млн. чел., а перед этим 600 виднейших представителей армянской интеллигенции того времени. Армения сморщилась, сменила 12 столиц, но выжила в горах. Революция (очень коротко). Раздел земель между закавказскими республиками. В Азербайджане советская власть была установлена раньше, чем в Армении, и именно этим объясняется закрепление Карабаха за Азербайджаном. Ленинские указания о справедливом решении вопроса о Карабахе выполнены не были. Излагает историю Карабаха (Арцаз). В прошлом его население на 99 % состояло из армян, теперь лишь (за счет инфильтрации азербайджанцев) на 75 %. О национальном угнетении армян в условиях советского Карабаха. Много интересных подробностей: стоят колесницы, окаменевшие в водах Севана, озеро опустилось на 19 м за последние десятилетия, и находка стала возможной. Колесницам 3500 лет. Средневековые армяне пришли к готическим формам в архитектуре раньше, чем в Европе. Великолепное стекло прошлых– веков, спорящее по давности с китайским, флакончики для слез – маленькие сосуды, в которые жена должна была собирать слезы в отсутствие мужа. А если оказывалось пусто… Очень легко соскальзывает на современность, но только с односторонних позиций: изуродованный поезд из Баку… Бегство армян из Сумгаита, Кировабада… О трудностях жизни беженцев (ютятся, голодают, но отказываются возвращаться…) «Армянская судьба» – все против: люди, горы, условия жизни, землетрясения…

Экскурсия в целом дала многое, главное – я услышал рассказ об истории Армении из уст самой армянки. Попытался подытожить услышанное – то, с чем нельзя не согласиться: древность этой земли, самобытность народа, внутреннее единство народа, его души и судьбы, любовь к своей родине, жизнестойкость, полезные изъятия из греческой, римской, византийской культуры, христианство как враг и как друг, полезная и жизненно важная связь с Россией, геноцид,

«съеживание» Армении и уход в горы, фантомные боли, диаспора, ее растворение и угасание национальной памяти, болезненное сочетание трагедии, связанной с землетрясением и межнациональным конфликтом. И все же резал слух постоянный рефрен о более высокой культуре армян по сравнению с окружающими народами, об исключительности этой нации.

Поблагодарив за экскурсию, я все же задал ей вопрос: «Как же так, вы – историк, выпускница Ереванского университета, марксист по образованию, умудрились за всю экскурсию не упомянуть о классах, о социальных движениях в армянском обществе в прежние эпохи и в настоящее время, умудрились полностью утратить классовый подход в анализе истории, подменив его исключительно национальным, то есть весьма поверхностным и неполным? Совершенно опущен вопрос об интернациональном вкладе армян, об участии армян в Великой Отечественной войне. Наконец, об интернациональном характере помощи всей нашей страны в дни этой беды, о возможностях интернациональных проявлений и со стороны азербайджанцев». Мои вопросы понравились ей гораздо меньше, чем мои благодарности. Коротко и как сквозь зубы, сразу снизив мне цену, она ответила, что да, и среди азербайджанцев есть интернационалисты, но «они ничего не делают и не могут сделать». Что касается их помощи, то им, кажется, выделили небольшой район на границе (видимо, населенный азербайджанцами). Интернационализм-то у нее какой-то – в одну сторону.

Вышли из музея. День тихий, солнечный, теплый. Ходи и щурься. Это был бы Кисловодск, если бы это не было Ереваном… Но все-таки не покидало чувство жалости, словно посетил больного. Замкнутость жилищ, характеров, толстая скорлупа. А тут еще бронетранспортеры… Страх, страх, страх, ставший генетическим фондом.

Вторая половина дня – работа в госпитале, обработка данных историй болезни пострадавших. Сегодня убыли в Тбилиси анестезиологи и травматологи из Тбилисского окружного госпиталя, славные ребята.

Написал письмо академику Александру Григорьевичу Чучалину – человеку высокой концентрации культуры и организации ума, что крайне редко сейчас. Он осенью приезжал к нам в Саратов, и нам удалось успешно провести Учредительную конференцию Всесоюзного общества пульмонологов. Полагаю, ему интересно было услышать голос пульмонолога из Еревана. Патология легких у пострадавших проявилась разнообразно: ушибом легкого, стрессовыми синдромами, нервно-психической острой

бронхиальной астмой, пылевыми, аллергическими бронхитами у спасателей, обострением предшествующей патологии, особенно у призванных из запаса и естественными в этих условиях острыми респираторными заболеваниями. При сдавлении грудной клетки в завалах наблюдались и своеобразные гиповентиляционные и асфиктические состояния.

8.01. Утром, впервые за прошедший месяц, пришел на работу из дома начальник госпиталя Г. И. Смышляев. Месяц безвыходно у штурвала. Добрых два десятка лет в ЗакВО. Опыт. А так посмотришь – рыхлого сложения, малоподвижен, лицо в морщинах, как печеное яблоко. Не гусар. А посмотрит: взгляд умный, спокойный, чуть по-доброму насмешливый, схватывающий главное. Его опыт и спокойствие очень пригодились здесь. Поинтересовался моими наблюдениями, ходом обобщения историй болезни пострадавших. Много и охотно рассказал о наиболее тяжелых днях. Страшна была не работа, а ощущение бессилия и дефицита возможностей, которые явно почувствовались уже ночью с 7 на 8.12. Хирурги валились с ног, лаборатория, особенно биохимическая, не обеспечивала необходимый объем обследования. Это касалось оценки деятельности почек, в наибольшей степени страдающих при СДР, оценки уровней калия, мочевины, креатинина в крови. Задыхался кабинет функциональной диагностики и рентгеновский кабинет. Вот почему наиболее ранний период травмы и СДР в историях болезни отражен наименее полно, хотя люди делали все. Только прибытие мощной группы усиления позволило подтянуть обследование до уровня современного и наладить методы очищения крови. Позже была и другая крайность: когда снизилась лечебно-диагностическая активность, возможности госпиталя стали избыточными. Нужны мощные и мобильные резервы, чтобы в подобных случаях быстро устранить дефицит между потребностями и возможностями оказания медицинской помощи. Дорогая штука – медицина катастроф.

В городе неспокойно. Меня беспокоит то, что сам госпиталь, медицинское депо, приемный покой практически не охраняются. Дни массового поступления раненых сделали госпиталь проходным двором, и к этому привыкли. Поразительная беспечность.

Рассказали, что 4.1., в день повторного, шестибалльного толчка, две девочки-студентки поехали из Еревана в Ленинакан, чтобы в разрушенном своем доме взять хоть какие-нибудь вещи и учебники, – приближалась сессия… Взбежали по лестнице, поискали вещи и только собирались опускаться, как задрожал дом. Успели выскочить за секунды до того, как дом рухнул.

По телевидению нет-нет да сообщаются «факты»-легенды об освобождении из подвалов, элеваторов отдельных людей или даже групп, находившихся там якобы целый месяц. Затем следуют опровержения.

Вечером А. П. Звягинцев приходит ко мне в номер, приносит кое-какие продукты – чай, сахар, и, смотря программу «Время», мы коротаем остаток вечера.

9.01. Работу по обобщению материалов госпиталя закончил. Этот отчет на 20 страницах будет отдан в ЦВМУ МО СССР по возвращении в Москву. Сегодня отдал черновик машинистке.

Начальник терапевтического отделения Владимир Иванович Федоряченко, с которым мы поработали дружно эти две недели, пригласил меня и Звягинцева к себе домой. Это оказалось где-то в ереванских «Черемушках». Высотные дома, неуютные, грубо сделанные подъезды… Квартира большая. Жена Наташа, два сына – Денис и Максим. Офицерская жизнь, неустроенность, смесь совершенно новой и ободранной мебели, ощущение временности и… оптимизм. Но люди, конечно, не дома. Какой уж тут дом! В декабре в доме ходили по квартирам. Ниже этажом: муж – русский офицер в Афганистане, а жена – азербайджанка с двумя малыми детьми. В работе отказали, в школу и в садик детей не берут. Лживый мотив: боязнь за их жизнь. Подталкивают к выезду при невмешательстве властей. Эта женщина практически беззащитна.

Говорят, счет уже 26:22. Азербайджанцы (звери) убили, армяне (не звери) «ответили». Вместе с этим, конечно, возмущает замалчивание событий в Кировабаде в ноябре, где со страшной силой проявились противоармянские и противорусские настроения. Звериная толпа азербайджанцев была сдержана войсками, иначе армянам было бы плохо. Потребовались средства вооруженной защиты десантников. Только сила устранила агрессию.

В госпиталь возвращались в такси.

10.1. У проходной госпиталя познакомился с ладным, голова с заметной проседью, армянином. Он из Ленинакана, едет в Запорожье, Полтаву. Забежал к земляку. При землетрясении повредило машину, ищет запчасти («у нас втридорога, в России подешевле. Скорее всего, в Тольятти нужно съездить, может быть, как пострадавшему, пойдут навстречу»). Зовут его Марат, жена – Людмила Ивановна, дети – Армянчик и Марина. Служил в Якутии, там и Люду встретил. Ее семья из-под Полтавы… «Мой отец, – рассказывал он, – был против нашей свадьбы: боялся, что молодая за ним ухаживать не будет. Старик. Опасается: «Ложку ко рту несет, рука трясется – кто поможет?» Их дом в Ленинакане

– на окраине, большая его часть рухнула. Починить можно, но жить опасно. Всего из родни погибло 16 чел. И мать – тоже. Сначала мать была жива, ее пытались откопать. Краном плиту подняли и вновь уронили – тут уж насмерть… Стольких людей выкопать и похоронить – никаких сил не осталось, вспомнить страшно. Девочка во дворе, видно, помешалась: все ходила по кругу, как заводная… У меня и хозяйство погибло: 60 свиней из 100 задавило… Живем у родных, в свой дом не заходим, дом смерти. Люда за то, чтобы остаться в Ленинакане, а я не могу. Невозможно жить в городе-кладбище. Многие упрекают нас за то, что покидаем родные места. Они не понимают этого страха. Новые люди могут. Пусть хоть 1–2 года пройдет, тогда можно вернуться».

У этого человека совершенно трезвая позиция в отношении социального неравенства в Армении и армяно-азербайджанской болезни. Куда псевдомарксисту-экскурсоводу из музея истории! Положительное отношение к Рыжкову. Ненависть к Демирчяну.

«Один погиб. Тихо жил, бедно. А в развалинах нашли черный чемоданчик с миллионами…» «Другой чуть не погиб, похоронил половину родни, которой прежде копейки в долг не давал, и вдруг стал швырять деньги направо и налево: путевки, покупки…» (Я подумал: Гобсек, увидев разорение, и гибель, превратился в Гаргантюа). Это он высмеивает богатых и жадных. А что такое богатство? «Да, у нас есть бедняки, даже нищие, особенно среди беженцев. Армянская семья взяла под свой кров всех, если у тебя есть даже самый дальний родственник – у тебя есть кров, пристанище, но ты – нищий родственник. А есть. – такие, кто сам, чьи дети и внуки обеспечены в такой мере, что никогда работать не будут. Ну сколько нужно нормальному человеку (себя он относит к «нормальным» людям)? Детей обеспечить немного, внуков немного, свадьбы сыграть, чтобы как у людей, друг приедет, то есть ну 5 тысяч, ну 8 тысяч каждый день в запасе должно быть. Машина тоже нужна – еще 10 тысяч. А больше – зачем?!» «За операцию аппендицита (после нее!) 500 руб. нужно дать обязательно. Это не взятка. Вы посмотрите (говорит о знакомом хирурге в ЦРБ), он же выходит из операционной – весь мокрый! Это нельзя оценивать государственной зарплатой в 300 руб. в месяц. (Мне стало неловко, мне бы не хотелось, чтобы он поинтересовался моими накоплениями…). Но он как будто прочел моя мысли, и я понял, что в его мнении саратовский профессор, за всю жизнь накопивший 10 тыс. руб., – ребенок по сравнению с знакомым ему хирургом из Ахуряна, «который после операции выходит весь мокрый». Я робко возразил ему в свое оправдание, что зато я не беру взятки… «Нужно, чтобы

государство всем резко повысило зарплату, тогда не надо будет брать и давать». А в Россию едет именно потому, что там взятка за запчасти будет гораздо меньшей, чем в родной обдираловке.

Встреча интересная. Этот человек не только из-под земли, но и из самой земли. Запчасти ищет, оживает армянин.

За ужином в столовой рассказывали об обычае здешнем играть свадьбы в палатках. Где взять палатки? А прапорщики на что? За известную мзду на время со склада выдается большая палатка, а позже возвращается на место: платный прокатный пункт, сокращенно НЗ. При проверках не раз находили бантики разноцветные на веревках – свадебные улики… Институт прапорщиков – это кладбище задушенных на корню талантливых советских коммерсантов.

11.01. Еще одна поездка в Эребуни. При входе в метро расклеены списки пропавших без вести, фотографии. И хотя прошло столько времени, люди останавливаются, вглядываются. Скорбные списки.

В палатах больных все меньше. Запомнилось, как больные рассказывали о снах. Первые недели ничего не снилось, потом появились сны, в которых в разных вариантах повторялись сцены разрушения, крики, гибели родных. Утром сны обсуждаются. Память выталкивает боль.

Больная Меликян умерла от столбняка. Умер и как будто выздоравливавший от столбняка мужчина, чего-то недосмотрели. Говорят, разъяренные родственники здесь же избили реаниматолога Эдика… Жаль, если так, доктор он хороший. И тем не менее от столбняка умерли все четверо больных, у которых он был выявлен.

Пообедали в столовой, в которой питались весь этот месяц прикомандированные к больнице. Сейчас из них остались единицы. Повариха, как и положено, добродушная полная русская женщина. У нее шестеро детей, все они регулярно приходят в столовую питаться…

Гинекологическое отделение, закрытое под хирургию, еще не открыто. Кстати, имелись десятки случаев, когда СДР возникал на фоне беременности разных сроков. Это сочетание, как правило, было неблагоприятным для ее сохранения.

В конце дня зашли с доктором Кочаровцом в баклабораторию. Женщины весьма радушно угостили чаем. В больнице холодно, и чай пить не перестают весь день. Разговоры, разговоры. Одна из них – беженка из Баку. Клянут мусульман. А когда я рассказал им историю с хирургом из Ленинакана, которому угрожали расправой, мне было немедленно заявлено: «Это не армяне!» Это было настолько невероятно, что я даже

улыбнулся, вспомнив чеховское «этого не может быть потому, что этого не может быть никогда». Невозможно допустить мысль о благородном азербайджанце и подонках – его преследователях. Это взрывает всю их идею собственной исключительности.

Лучше бы я промолчал, так разворошил я угли в этой топке. Припомнился рассказ о том, как зарубежные инженеры, рассматривая обрушившиеся плиты в Ленинакане, обнаружили, что металлические стержни в них были сварены лишь на 30 %, то есть 2–3 из 8, такой преступно халтурной была работа строителей домов. Точно такого же качества оказалось наше интернациональное воспитание. Начисто утрачен классовый подход к оценке социальных явлений, особенно в Закавказье. Неспособность к нему результат многолетней профанации обучения общественным наукам.

Определенную успокоительную роль здесь играет армянская церковь. Особенно неразумные всплески экстремизма гасит их всегда печальный старик Вазген II. К сожалению, этот источник мудрости слаб. Жаль, что мне не довелось побывать в Эчмиадзине – резиденции главы церкви. Очевидно, непопулярен аппаратный слой армянской компартии, не владеющий ситуацией. Бездарно ее идеологическое подразделение. Вакуум жадно заполняется национализмом, практически не встречая сопротивления. Но ведь сколько ни повторяй заклинание: «Армения! Армения!» – народ счастливее жить не будет.

12.01. Предпоследний день моей командировки. В штаб стекаются сравнительно спокойные сводки о заболеваемости и травматизме из медицинских подразделений, находящихся в зоне. Пострадавшие в госпитале сконцентрированы в отдельных палатах. Их всего 27 из бывших 220. Активной работы нет, идет подготовка к их переводу в другие стационары города, на протезирование, в пансионаты. Среди них есть и такие, у которых никого не осталось, нет родни, некуда ехать.

Кто-то из наших рассказал, что в одной из больниц города лежит девушка, 18 лет, русская, с ампутацией бедра. Уже месяц лежит в травматологическом отделении одна среди армянок. Родных нет. Денег нет, передачи носить некому. Умоляет забрать ее отсюда в любую больницу в Россию. Чем ей помочь? Посоветовали обратиться в МЗ СССР.

Вспоминая рязанских запасников в шинелях не по росту в аэропорту Звартнотц, ростовских шоферов, гревшихся в палатке Спитакского госпиталя, ленинградских, московских, саратовских врачей и сестер, бросивших свои клиники и больницы, чтобы снять остроту армянской боли, и слыша о заброшенности этой девчушки, невольно думаешь:, а если с тобой, Россия, случится

беда, кто тебе поможет?

Начмед госпиталя толстый армянин-полковник до сих пор окружен посетителями-армянами. Ходатаи «отпускников».

Входят, выходят, чего-то просят, по-моему, добиваются своего. Правда, говорят, он хорошо работал в трудные дни. Нужно сказать, что многие здешние вольнонаемные врачи работали беззаветно в то время.

Доктор Айваз Арзуманян, подполковник медицинской службы запаса, начальник кабинета функциональной диагностики госпиталя. Скромнейший человек. О себе – ни слова. У него тоже кто-то погиб в те дни в зоне. Охотно ходит со мной на обходы, старается, чтобы мне здесь было удобнее. Разговорились как-то и об армянской литературе. Мы ведь в России совсем не знаем великих армянских поэтов…

…Смеркается. Над старым очагом
Дымок струится, как душистый ладан.
Беседуют родные чинно, ладом,
И я дремлю, и сказки спят кругом.
И, кроме света этого огня
В пустынном мире горя и отравы, —
Ни женщины желанной и ни славы,
Ни золота – не надо для меня.

Это Аветик Исаакян, говорит он. И я думаю: «Действительно, что еще человеку может быть надо, если вокруг его очага тепло и покой». Сейчас трудные времена: покоя нет и тепло из очага уходит. Эта его тревога мне понятна. Говорим мы и о проблемах национальных и интернациональных, о моих аблюдениях и разочарованиях. Он соглашается, хотя и не считает это непреодолимым. Это меня радует, так как обычно, говоря о классовой, социальной подоплеке национальной вражды, о богатых и бедных и очень бедных армянах, о необходимости схватить за руку мафию, о невозможности решить проблемы народа только через достижение национальных целей, наталкиваешься буквально на стену сопротивления. После 2–3 фаз относительного согласия («Да, армяне разные, жуликов ловить вам, сверху виднее» и т. д.) тотчас же следует соскальзывание на национальные мотивы («Почему Алиев свободно живет?» Примеры козней азербайджанцев в Москве, преувеличение размеров террора, явное преувеличение интеллектуальности армянского народа и пр.). Когда не даешь им возможности муссировать только национальную тему и возвращаешь к теме социальной, возникает раздражение и неприязнь. А что плохого, что я люблю армян не вообще, а бедных, тружеников, Аветика Исаакяна люблю, а богатых – как

всех мироедов – ненавижу. Я коммунист, иначе не умею.

Эта поездка убедила меня, что армянская и азербайджанская болезнь – одна болезнь. Контрреволюция подпольных миллионеров, использующая средства демократии и гласности в своих целях; использующая наши просчеты в экономической и межнациональной области и применяющая нападение как лучший способ защиты. Полагаю, что нужно говорить об этом открыто, не ожидая ответа и согласия. Нужно сеять в людях семена классового анализа ситуации, иначе все покрывается пеленой на самом деле не существующего национального единства.

Доктор Айваз соглашается со мной, но говорит, что среди тех, кто подчеркивает национальный элемент анализа ситуации, тоже немало честных и чистых людей. Прошу его дать мне список армянских поэтов, без знакомства с творчеством которых нельзя судить об Армении. Приеду домой, прочту. Тут же называет имена: Чаренц, Туманян, Исаакян, Ованес Шираз, Геворг Эмин, Сильва Капутикян, Арамаис Саакян, Ваган Терян, Абовян. И чтобы я не забыл, пишет эти имена мне на листочке. Он – со мной.

13.01. Последний день. Проверяю отчет. В нем картина организации терапевтической помощи пострадавшим от землетрясения, обобщение реального опыта такой работы, в этих условиях сделанного впервые в мировой литературе. А ведь это только часть того, что здесь сделано. Вклад военной медицины очень велик: ее силами была оказана помощь каждому третьему из 18000 раненых, не говоря уже о том, что ее помощь была самой ранней. Опыт коллективный, но приятно сознавать, что и ты внес в него свою лепту. Армянская трагедия приобрела планетарный характер, поэтому любой полезный анализ ее истории актуален.

Последний выход в город. Попытка посетить художественную галерею сорвалась: в музее – санитарный день. День солнечный, теплый. Площадь Ленина. Правительственные и партийные здания, громада памятника вождю. Самоходки, милиция, войска. У Агропрома – кучками – группы возбужденных армян. Человек 50–60. Милиционеры кого-то под руки ведут к самоходкам. Седой армянин что-то нехорошее сказал про советскую власть. Солнце, счастье, свобода!

У отогретой солнцем стены здания кусок ярко-зеленой травы. Примета жизни. Стремление к жизни отогреет и Армению.

Прощаюсь с врачами госпиталя и по ночному Еревану на машине – начальника еду в аэропорт. Звягинцев провожает. Он перебрался в мой номер и теперь будет пить чай вечерами один. Прощаемся. Аэропорт полон людьми. Посадка в какой-то неразберихе в ИЛ-62, на страшно холодном ветру.

В салоне сижу рядом с молодой армянкой-москвичкой, ездившей навестить ереванских родственников. Строй ее мыслей гораздо более московский, чем ереванский. Ее убеждать мне не пришлось. От нее я узнал многие подробности пережитого. Помню, что она говорила о Спитаке. На месте разлома земли в самом эпицентре землетрясения был и еще стоит склад боеприпасов. Его уберут весной и отведут это место для пахоты. «Армянская трагедия, – размышляла она, – клубок трех стихий: природной, принесшей массовую гибель и страдания, социальной – расширяющей пропасть между богатыми и бедными, и – рожденной ею – межнациональной, истощающей народы. Преодоление трагедии исторически неизбежно, и это будет делом самого армянского народа». И тихо прочла «Песню кузнеца» Акопа Акопяна, написанную еще в 1905 г., о силе духа народа.

Товарищ, бей, ударь сплеча!
Ударь со всею силой,
Чтоб сталь, светла и горяча,
Согрела мрак унылый.
Чтоб не напрасно пот бежал,
Рождая крепость стали,
Чтоб день над тьмою ночи встал,
Чтоб искры солнцем стали!
Ударь, товарищ, крепче бей!
Смотри, уходят беды —
Навек уходит тьма ночей,
Куется день победы!

Когда самолет шел на посадку в Москве, пробило двенадцать, и мы поздравили друг друга со старым Новым годом. Сестра Люба ждала меня. К двум часам ночи мое путешествие закончилось.

14.01. Съездил в госпиталь им. Бурденко в Лефортово. Встретились с главным терапевтом МО В. Т. Ивашкиным, которого я сменил в декабре в Ереване. Зашли к профессору Евгению Владиславовичу Гембицкому. Договорились, что работа над материалами, привезенными из Армении, будет продолжена.

Для меня было важно посетить отделения главного госпиталя, где продолжали лечиться пострадавшие, переведенные из Ереванского госпиталя. И здесь ими занимались те же специалисты, которые были в Армении: доктора Гранкин, Потехин, Шматов, Горбаков, Шаталов и другие.

Пусть уходят беда и тьма ночей современной Армении.

Саратов – Ереван – Спитак — Ленинакан – Москва – Саратов.

27.12.1988 г. – 15.01.1989 г.

Послесловие

Минуло семь с лишним лет со времени землетрясения в Армении. Раны памяти затянулись, но не исчезли. Тысячи калек и сейчас бередят эту память. И хотя жизнь в Армении берет свое и рождает новую радость, рубцы памяти давят. Память жителей Армении хранит и благодарность к тем, кто пришел в то время им на помощь и самоотверженно трудился, спасая людей.

Выполнив свой профессиональный и человеческий долг и вернувшись в Россию, врачи-интернационалисты – москвичи, ленинградцы, саратовцы – продолжили свой обычный труд. Приобретенный ими армянский опыт выживания в условиях катастрофы обогатил их стойкостью и пригодился вскоре в преодолении трудностей на их собственной Родине.

Книга издана в типографии «Полиграфист» в Саратове в 1996 году.